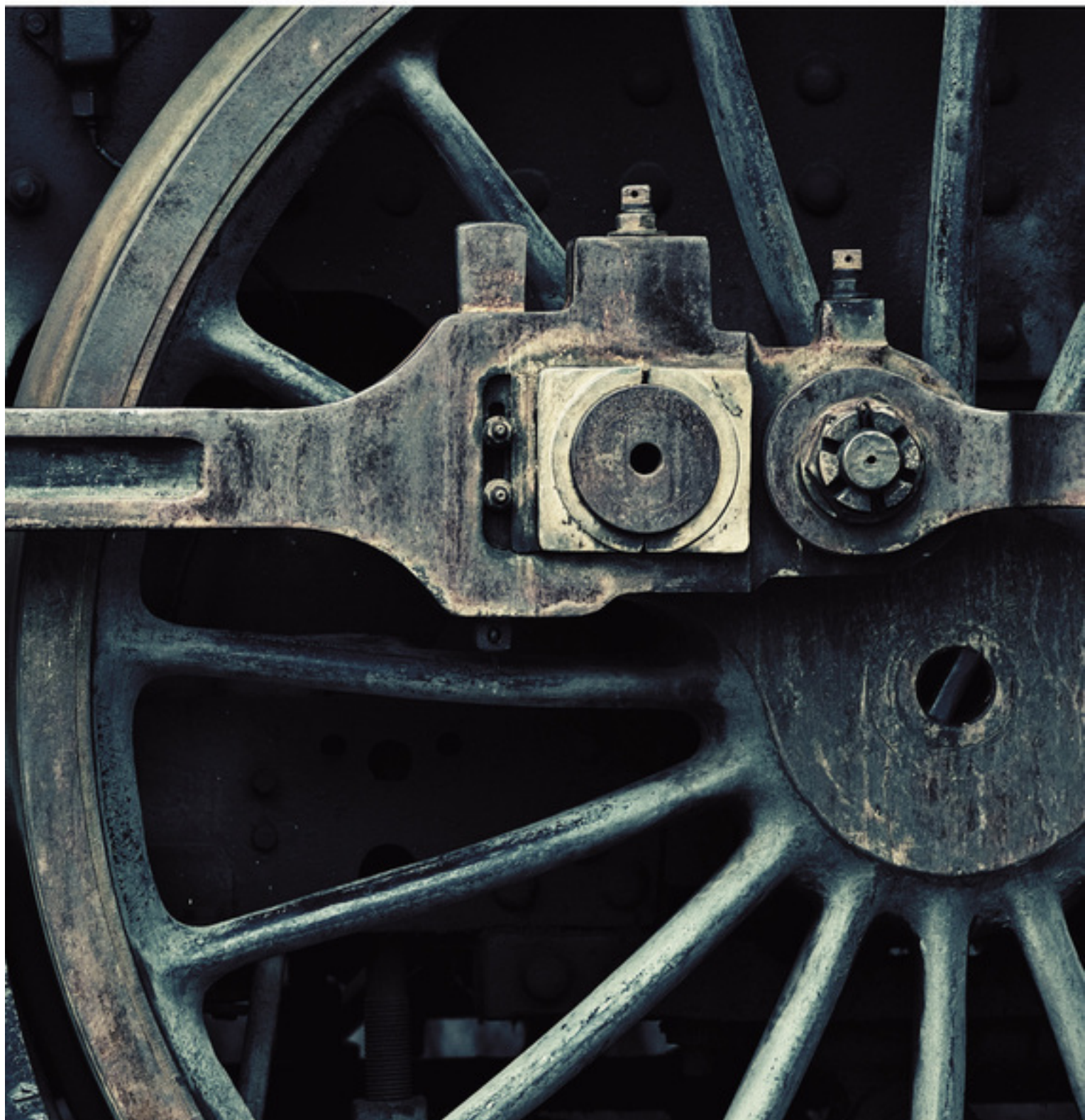

Преодоление

Священник Александр Дьяченко

Современная проза (Никея)

Александр Дьяченко

Преодоление (сборник)

«Никея»

2011

Дьяченко А.

Преодоление (сборник) / А. Дьяченко — «Никея»,
2011 — (Современная проза (Никея))

В глубоких и проникновенных рассказах отец Александр говорит о преодолении боли, о людях, прошедших войны и катастрофы XX века, о силе духа, преодолевающей страдание. Книга найдет отклик в сердцах читателей – ведь она о вере, надежде на обретение вечной радости и о любви.

© Дьяченко А., 2011

© Никея, 2011

Содержание

Проверки на дорогах	6
Всепобеждающая сила любви	8
Я не участвовал в войне...	10
Герои и подвиги	14
Суд совести	17
Душехранитель	20
Острова	24
Преодоление	28
Положение обязывает	33
Синдром	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Священник Александр Дьяченко

Преодоление. Рассказы и очерки

Эту книгу я посвящаю моей дорогой внучке Елизавете и всем, кто родился в первые годы двадцать первого века, – с надеждой и любовью.

*Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС-11-113-1438*

© Дьяченко Александр, священник, 2011

© Издательство «Никея», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Дорогой читатель!

Выражаем Вам глубокую благодарность за то, что Вы приобрели легальную копию электронной книги издательства «Никея».

Если же по каким-либо причинам у Вас оказалась пиратская копия книги, то убедительно просим Вас приобрести легальную. Как это сделать – узнайте на нашем сайте www.nikeabooks.ru

Если в электронной книге Вы заметили какие-либо неточности, нечитаемые шрифты и иные серьезные ошибки – пожалуйста, напишите нам на info@nikeabooks.ru

Спасибо!

Проверки на дорогах

Незадолго до Нового года моему хорошему товарищу пришла печальная весть. В одном из маленьких городков соседней области был убит его друг. Как узнал, так сразу же и помчался туда. Оказалось, ничего личного. Большой, сильный человек лет пятидесяти, возвращаясь поздно вечером домой, увидел, как четверо молодых парней пытались насиловать девчонку. Он был воин, настоящий воин, прошедший многие горячие точки.

Заступился не задумываясь, с ходу бросился в бой. Отбил девушку, но кто-то изловчился и ударил его ножом в спину. Удар оказался смертельным. Девушка решила, что теперь убьют и ее, но не стали. Сказали:

– Живи пока. Хватит и одного за ночь, – и ушли.

Когда мой товарищ вернулся, я, как мог, попытался выразить ему свое соболезнование, но он ответил:

– Ты меня не утешай. Такая смерть для моего друга – это награда. О лучшей кончине для него трудно было бы и мечтать. Я его хорошо знал, мы вместе воевали. На его руках много крови, может, и не всегда оправданной. После войны он жил не очень хорошо. Сам понимаешь, какое было время. Долго мне пришлось убеждать его креститься, и он, слава Богу, не так давно принял крещение. Господь забрал его самой славной для воина смертью: на поле боя, защищая слабого. Прекрасная христианская кончина.

Слушал я моего товарища и вспоминал случай, который произошел со мной.

Тогда шла война в Афгане. В действующей армии, в связи с потерями, потребовалось произвести срочные замены. Кадровых офицеров из частей перебросили туда, а на их места призвали сроком на два года запасников. Незадолго до того я вернулся из армии и оказался среди этих «счастливчиков». Таким образом, мне пришлось отдать свой долг Родине дважды.

Но поскольку воинская часть, в которой я служил, находилась не очень далеко от моего дома, то все для нас сложилось благополучно. На выходные дни я часто приезжал домой. Моей дочурке было немногим больше года, жена не работала, а денежное содержание офицеров было тогда хорошее.

Домой мне приходилось ездить электричками. Иногда в военной форме, иногда в гражданке. Однажды, это было осенью, я возвращался в часть. Приехал на станцию минут за тридцать до прихода электропоезда. Смеркалось, было прохладно. Большинство пассажиров сидело в помещении вокзала. Кто-то дремал, кто тихо разговаривал. Было много мужчин и молодых людей.

Вдруг, совершенно внезапно, дверь вокзала резко распахнулась и к нам забежала молоденькая девушка. Она прижалась спиной к стене возле кассы и, протянув к нам руки, закричала:

– Помогите, они хотят нас убить!

Тут же за ней вбегают как минимум четверо молодых людей и с криками: «Не уйдешь! Конец тебе!» – зажимают эту девчонку в угол и начинают душить. Потом еще один парень буквально за шиворот заволакивает в зал ожидания еще одну такую же, и та орет душераздирающим голосом: «Помогите!» Представьте себе эту картину.

Тогда еще обычно на вокзале дежурил милиционер, но в тот день его, как нарочно, не оказалось. Народ сидел и застыв смотрел на весь этот ужас.

Среди всех, кто был в зале ожидания, только я единственный был в военной форме старшего лейтенанта авиации. Если бы я был тогда в гражданке, то вряд ли встал, но я был в форме.

Встаю и слышу, как рядом сидящая бабушка выдохнула:

– Сынок! Не ходи, убьют!

Но я уже встал и сесть назад не мог. До сих пор задаю себе вопрос: как это я решился? Почему? Случись бы это сегодня, то, наверное, не встал бы. Но это я сегодня такой премудрый пескарь, а тогда? Ведь у самого был маленький ребенок. Кто бы его потом кормил? Да и что я мог сделать? Еще с одним хулиганом можно было бы подраться, но против пяти мне и минуты не простоять, они просто размазали бы меня.

Подошел к ним и встал между ребятами и девушками. Помню, встал и стою, а что еще я мог? И еще помню, что больше никто из мужчин меня не поддержал.

К моему счастью, ребятки остановились и замолчали. Они ничего мне не сказали, и ни разу никто меня не ударил, только смотрели с каким-то то ли уважением, то ли удивлением.

Потом они, как по команде, повернулись ко мне спиной и вышли из здания вокзала. Народ безмолвствовал. Незаметно испарились девчухи. Наступила тишина, и я оказался в центре всеобщего внимания. Познав минуту славы, смутился и тоже постарался быстренько уйти.

Хожу по перрону и – представьте мое удивление – вижу всю эту компанию молодых людей, но уже не дерущихся, а идущих в обнимку!

До меня дошло – они нас разыграли! Может, им делать было нечего, и, ожидая электричку, они так развлекались или, может, поспорили, что никто не заступится. Не знаю.

Потом ехал в часть и думал: «Но я ведь не знал, что ребята над нами пошутили, я же по-настоящему встал». Тогда я еще далек был от веры, от Церкви. Даже еще крещен не был. Но понял, что меня испытали. Кто-то в меня тогда всматривался. Словно спрашивал: а как ты поведешь себя в таких обстоятельствах? Смоделировали ситуацию, при этом совершенно оградив меня от всякого риска, и смотрели.

В нас постоянно всматриваются. Когда я задаюсь вопросом, а почему я стал священником, то не могу найти ответа. Мое мнение, кандидат в священство все-таки должен быть человеком очень высокого нравственного состояния. Он должен соответствовать всем условиям и канонам, исторически предъявляемым Церковью к будущему священнику. Но если учесть, что я только в тридцать крестился, а до этого времени жил как все, то хочешь не хочешь пришел к выводу, что Ему просто не из кого выбирать.

Он смотрит на нас, как хозяйка, перебирающая сильно пораженную крупу, в надежде что-нибудь все-таки сварить, или как плотник, которому нужно прибить еще несколько дощечек, а гвозди закончились. Тогда он берет погнутые, ржавые, правит их и пробует: пойдут они в дело? Вот и я, наверное, такой ржавый гвоздик, да и многие мои собратья, кто пришел в Церковь на волне начала девяностых. Мы – поколение церковных строителей. Наша задача – восстановить храмы, открыть семинарии, научить то новое поколение верующих мальчиков и девочек, которые придут нам на смену. Мы не можем быть святыми, наш потолок – искренность в отношениях с Богом, наш прихожанин – чаще всего человек страдающий. И чаще всего мы не можем помочь ему своими молитвами, силенок маловато, самое большое, что мы можем, – это только разделить с ним его боль.

Мы полагаем начало нового состояния Церкви, вышедшей из гонений и привыкающей жить в период творческого созидания. Те, для кого мы работаем, должны прийти на подготовленную нами почву и прорасти на ней святостью. Поэтому, причащая младенцев, я с таким интересом всматриваюсь в их лица. Что ты выберешь, малыш, крест или хлеб?

Выбери крест, дружок! И мы вложим в тебя веру, а потом твою детскую веру и чистое сердечко помножим на нашу искренность, и тогда, наверное, наше служение в Церкви будет оправданно.

Всепобеждающая сила любви

Помню – я был еще мальчиком, лет десяти, – рядом с нами на одной лестничной площадке жила семья. Все семьи были военные, и поэтому соседи менялись достаточно часто. У тех соседей в квартире жила бабушка. Сейчас понимаю, что ей было немногим больше шестидесяти, а тогда думал, что ей все сто. Бабушка была тихой и неразговорчивой, не любила старушечьи посиделки и предпочитала одиночество. И была у нее одна странность. Перед подъездом стояли две отличные лавочки, но бабушка выносила маленькую табуреточку и садилась на нее лицом к подъезду, словно высматривала кого-то, боясь пропустить.

Дети – народ любопытный, и меня такое поведение старушки заинтриговало. Однажды я не выдержал и спросил ее:

– Бабушка, а почему ты сидишь лицом к двери, ты кого-то ждешь?

И она мне ответила:

– Нет, мальчик. Если бы я была в силах, то просто уходила бы в другое место. А так мне приходится оставаться здесь. Но у меня нет сил смотреть на эти трубы.

В нашем дворе стояла котельная с двумя высоченными кирпичными трубами. Конечно, лезть на них было страшновато, и даже из старших пацанов никто не рисковал. Но при чем тут бабушка и эти трубы? Тогда я не рискнул ее спрашивать, а через какое-то время, выйдя гулять, снова увидел сидящую в одиночестве мою соседку. Она словно ждала меня. Я понял, что бабушка хочет что-то мне рассказать, сел рядом с ней, и она, погладив меня по головке, сказала:

– Я не всегда была старой и немощной, я жила в белорусской деревне, у меня была семья, очень хороший муж. Но пришли немцы, муж, как и другие мужчины, ушел в партизаны, он был их командиром. Мы, женщины, поддерживали своих мужчин, чем могли. Об этом стало известно немцам. Они приехали в деревню рано утром. Выгнали всех из домов и, как скотину, погнали на станцию в соседний городок. Там нас уже ждали вагоны. Людей набивали в теплушки так, что мы могли только стоять. Ехали с остановками двое суток, ни воды, ни пищи нам не давали. Когда нас наконец выгрузили из вагонов, то некоторые были уже не в состоянии двигаться. Тогда охрана стала сбрасывать их на землю и добивать прикладами карабинов. А потом нам показали направление к воротам и сказали: «Бегите». Как только мы пробежали половину расстояния, спустили собак. До ворот добежали самые сильные. Тогда собак отогнали, всех, кто остался, построили в колонну и повели сквозь ворота, на которых по-немецки было написано: «Каждому – свое». С тех пор, мальчик, я не могу смотреть на высокие печные трубы».

Она оголила руку и показала мне наколку из ряда цифр на внутренней стороне руки, ближе к локтю. Я знал, что это татуировка, у моего папы был на груди наколот танк, потому что он танкист, но зачем колоть цифры?

– Это мой номер в Освенциме.

Помню, что еще она рассказывала о том, как их освобождали наши танкисты и как ей повезло дожить до этого дня. Про сам лагерь и о том, что в нем происходило, она не рассказывала мне ничего, наверное, жалела мою детскую голову. Об Освенциме я узнал уже позднее. Узнал и понял, почему моя соседка не могла смотреть на трубы нашей котельной.

Мой отец во время войны тоже оказался на оккупированной территории. Досталось им от немцев, ох как досталось. А когда наши погнали немчуру, то те, понимая, что подростки – завтрашние солдаты, решили их расстрелять. Собрали всех и повели в лог, а тут наш самолетик – увидел скопление людей и дал рядом очередь. Немцы на землю, а пацаны – врассыпную. Моему папе повезло, он убежал, с простреленной рукой, но убежал. Не всем тогда повезло.

В Германию мой отец входил танкистом. Их танковая бригада отличилась под Берлином на Зееловских высотах. Я видел фотографии этих ребят. Молодежь, а вся грудь в орденах, несколько человек – Герои. Многие, как и мой папа, были призваны в действующую армию с оккупированных земель, и многим было за что мстить немцам. Поэтому, может, и воевали так отчаянно храбро. Шли по Европе, освобождали узников концлагерей и били врага, добывая беспощадно. «Мы рвались в самую Германию, мы мечтали, как размажем ее траками гусениц наших танков. У нас была особая часть, даже форма одежды была черная. Мы еще смеялись, как бы нас с эсэсовцами не спутали».

Сразу по окончании войны бригада моего отца была размещена в одном из маленьких немецких городков. Вернее, в руинах, что от него остались. Сами кое-как расположились в подвалах зданий, а вот помещения для столовой не было. И командир бригады, молодой полковник, распорядился сбивать столы из щитов и ставить временную столовую прямо на площади городка.

«И вот наш первый мирный обед. Полевые кухни, повара, все, как обычно, но солдаты сидят не на земле или на танке, а, как положено, за столами. Только начали обедать, и вдруг из всех этих руин, подвалов, щелей как тараканы начали выползать немецкие дети. Кто-то стоит, а кто-то уже и стоять от голода не может. Стоят и смотрят на нас, как собаки. И не знаю, как это получилось, но я своей простреленной рукой взял хлеб и сунул в карман, смотрю тихонько, а все наши ребята, не поднимая глаз друга на друга, делают то же самое».

А потом они кормили немецких детей, отдавали все, что только можно было каким-то образом утаить от обеда, сами еще вчерашние дети, которых совсем недавно, не дрогнув, насиловали, сжигали, расстреливали отцы этих немецких детей на захваченной ими нашей земле.

Командир бригады, Герой Советского Союза, по национальности еврей, родителей которого, как и всех других евреев маленького белорусского городка, каратели живыми закопали в землю, имел полное право, как моральное, так и военное, залпами отогнать немецких «выродков» от своих танкистов. Они объедали его солдат, понижали их боеспособность, многие из этих детей были еще и больны и могли распространить заразу среди личного состава.

Но полковник, вместо того чтобы стрелять, приказал увеличить норму расхода продуктов. И немецких детей по приказу еврея кормили вместе с его солдатами.

Думаешь, что это за явление такое – Русский Солдат? Откуда такое милосердие? Почему не мстили? Кажется, это выше любых сил – узнать, что всю твою родню живьем закопали, возможно, отцы этих же детей, видеть концлагеря с множеством тел замученных людей. И вместо того, чтобы «оторваться» на детях и женах врага, они, напротив, спасали их, кормили, лечили.

С описываемых событий прошло несколько лет, и мой папа, окончив военное училище в пятидесятые годы, вновь проходил военную службу в Германии, но уже офицером. Как-то на улице одного города его окликнул молодой немец. Он подбежал к моему отцу, схватил его за руку и спросил:

– Вы не узнаете меня? Да, конечно, сейчас меня трудно узнать в том голодном оборванном мальчишке. Но я вас запомнил, как вы тогда кормили нас среди руин. Поверьте, мы никогда этого не забудем.

Вот так мы приобретали друзей на Западе, силой оружия и всепобеждающей силой христианской любви.

Я не участвовал в войне...

В день Победы мой отец, сколько я себя помню, обычно садился в одиночестве за стол. Мама, ни о чем заранее с ним не сговариваясь, доставала бутылку водки, собирала самую простую закуску и оставляла отца одного. Кажется, в такой праздник ветераны стараются собираться вместе, а он никогда никуда не ходил. Сидел за столом и молчал. Это не значит, что никто из нас не мог подсесть к нему, просто он словно уходил куда-то в себя и никого не замечал. Мог так весь день просидеть у телевизора и смотреть военные фильмы, одни и те же. И так из года в год. Мне было скучно сидеть и молчать, а отец ничего не рассказывал о войне.

Однажды, наверное классе в седьмом, я спросил его в этот день:

– Пап, а почему ты с войны пришел только с одной медалью, ты что, плохо воевал? Где твои награды?

Отец, к тому времени успев выпить пару рюмок, улыбнулся мне и ответил:

– Что ты, сынок, я получил самую большую награду, о какой только может мечтать солдат на войне. Я вернулся. И у меня есть ты, мой сын, у меня есть моя семья, мой дом. Разве этого мало? – Потом, словно преодолевая себя, спросил: – А ты знаешь, что такое война?

И он стал мне рассказывать. Единственный раз за всю мою жизнь я слушал его историю войны. И больше он никогда не возвращался к этому разговору, словно его вовсе и не было.

– Немец пришел к нам, когда мне было почти столько же, сколько тебе сейчас. Наши войска отступали, и в августе сорок первого мы уже оказались на оккупированной территории. Мой старший брат, твой дядя Алексей, был тогда в армии, он воевал еще с белофинской. А мы всей семьей остались под немцами. Кто у нас в селе только не перебивал: и румыны, и мадьяры, и немцы. Самыми жестокими были немцы. Все, что приглянется, забирали без спроса и убивали за любое непослушание. Румыны, помню, постоянно что-то меняли, ну чисто наши цыгане, мадьяры нас трогали мало, но и убивали, никого не спрашивая. В самом начале оккупации назначили двух сельских ребят, что постарше, полицейскими. Они только и делали, что с винтовками ходили, а так никого не трогали. Объявления развешат, вот и все. Никто про них ничего плохого не сказал.

Трудно было. Чтобы выжить, постоянно работали и все равно голодали. Не помню такого дня, чтобы дедушка твой расслабился, улыбнулся, зато помню, что бабушка все время молилась о войне Алексии. И так все три года. К началу сорок четвертого немец стал гонять нас, молодых ребят, на рытье окопов, укрепления для них строили. Мы знали, что наши подходят, и уже думали, как будем встречать их.

Немцы понимали, что мы – завтрашние солдаты. После освобождения вольемся в армию и будем воевать против них. Поэтому перед самым приходом наших они внезапно окружили село и стали выгонять молодых парубков из домов и собирать всех на центральной площади. А потом погнали за село к оврагу. Мы стали догадываться, что нас ждет, да куда деваться, конвой вокруг. И вдруг, на наше счастье, самолет. Летчик увидел непонятную колонну и зашел в боевой разворот. Зашел и дал, видать на всякий случай, очередь рядом с нами. Немцы залегли. А мы воспользовались моментом и врассыпную. Конвойные побоялись встать во весь рост и стреляли по нам из автоматов с колен. Мне повезло, я скатился в лог и, только когда уже был в безопасности, обнаружил, что у меня прострелена рука. Пуля прошла удачно, не задев кости, и вышла чуть выше того места, где обычно носят часы.

Потом нас освободили. Боя за село не было, немцы отошли ночью, а утром нас разбудил грохот советских танков. Этим же днем всех собрали на площади, а на ней уже виселица стоит. Когда успели, вроде только пришли? На глазах у всего народа повесили обоих мальчишек-полицейских. Тогда не разбирались: раз у немцев служил, значит, виноват и судить тебя будут по закону военного времени. Это уже после войны бывших полицейских судили, а тогда не

до того было. Как только тела несчастных повисли, так нам и объявили, что все мы, кто находился под оккупацией, теперь враги и трусы, а потому должны смыть свою вину кровью.

В этот же день началась работа военно-полевого комиссариата. Из нашего села и из окрестностей много собрали таких, как я. Мне тогда было семнадцать с половиной, а были и те, кому еще и семнадцати не стукнуло. Никогда не думал, что начнем воевать именно так. Представлял, что нас переоденут в военную форму, присягу примем, автоматы дадут. А никто и не думал этого делать. На дворе сорок четвертый год, это же не сорок первый, оружия было вдоволь, а нам – по одной винтовке на троих. Кто в лаптях, кто в опорках, а кто и босиком, так и пошли на передовую.

И вот таких необученных мальчишек погнали искупать вину тех, кто бросил нас в сорок первом на милость победителя. Нас швыряли в атаки перед регулярными войсками. Это очень страшно – бежать в атаку, да еще без оружия. Бежишь и кричишь от страха, больше ты ничего и не можешь. Куда бежишь? Зачем бежишь? Впереди пулеметы, сзади пулеметы. От этой жути люди с ума сходили. – Отец невесело усмехнулся. – После первой атаки я не мог рот закрыть, вся слизистая не просто высохла, а покрылась коростой. Потом меня уже научили, что, прежде чем бежать, нужно на мокрый палец соли набрать и зубы намазать.

Мы месяц шли перед войсками, в наш отряд добавлялись все новые и новые «предатели». У меня уже был трофейный автомат, и я научился спасаться от пуль. Когда пришел приказ 1926-й год снять с фронта, оказалось, что из нашего села снимать-то уже и некого. Вон сейчас на черном обелиске в центре села все мои дружки записаны. Зачем это сделали, неужели так было нужно? Сколько народу за просто так положили. Почему нас никто не пожалел, ведь мы были почти еще дети?

И знаешь, что было самое изматывающее? На самом деле даже не эти атаки, нет, а то, что за мной весь этот месяц отец на подводе ехал. И после каждого боя штрафников он приходил, чтобы забрать тело сына и похоронить по-людски. Отца не пускали к нам, но я иногда видел его издали. Я очень жалел его, и мне хотелось, чтобы меня поскорее убили, ведь все равно убьют, что же старику мучиться. А мама все это время молилась, не вставала с колен, и я это чувствовал.

Потом я попал в учебку, стал танкистом и продолжил воевать. Твой дядя Леша в двадцать шесть уже был подполковником и командиром полка, а Днепр форсировал рядовым штрафбата. Удивляешься? Война, брат, а у войны своя справедливость. Всем хотелось выжить, и часто за счет других.

Батя тогда курил, он затаится, помолчит, словно смотрит куда-то, в глубину лет, а потом снова продолжает:

– После Днепра ему вернули ордена, восстановили в партии, а звание оставили «рядовой». И ведь он не озлобился.

Мы с твоим дядей дважды на фронте пересекались. И только мельком. Один раз из проезжающего мимо грузовика, слышу, кричит кто-то: «Хлопцы! А у вас такого-то нету?» – «Да как же нету?! Вот я!» Стоим в проезжающих навстречу друг другу машинах и машем руками, а останавливаться нельзя: колонны идут. А другой раз на станции, наш состав уже двигаться начал, а я его вдруг увидел. «Алеша, – кричу, – братик!» Он к вагону, мы руки друг к другу тянем, чтобы прикоснуться, а не можем. Долго он мне вслед бежал, все догнать хотел.

В самом начале сорок пятого еще двое бабушкиных внуков ушли на фронт, твои двоюродные братья. Женщины на Украине рано рожают, а я в семье был самым последним, ну и, понятное дело, самым любимым. У старшей сестры сыновья подрасти успели, вот на фронт и попали. Бедная моя мама, как она вымаливала Алешу, потом меня, а потом еще и внуков. Днем – в поле, ночью – на коленях.

Все было, и в танке горел, на Зееловских высотах под Берлином, вдвоем с командиром роты живыми остались. Последние дни войны, а у нас столько экипажей сгорело, какой же все-таки кровью нам эта Победа далась!

Да, война закончилась, и все мы вернулись, в разное время, но вернулись. Это было как чудо, представляешь, четверо мужчин из одного дома ушли на фронт, и все четверо вернулись. Вот только бабушка не вернулась с той войны. Нас вымолила, успокоилась, что все мы живы, здоровы, плакала от счастья, а потом умерла. Совсем еще нестарая женщина, ей даже шестидесяти не было.

В тот же победный год она сразу тяжело заболела, промучилась еще немного и умерла. Простая неграмотная крестьянка. Какой наградой, сынок, оценишь ее подвиг, каким орденом? Ее награда от Бога – сыновья и внуки, которых она не отдала смерти. А то, что от людей, все это суета, дым.

Отец потрепал меня по волосам:

– Сын, живи порядочным человеком, не подличай по жизни, не приведи Бог, чтобы кто плакал из-за тебя. И будешь ты мне орденом.

А потом вновь продолжил:

– Известие о смерти матери пришло ко мне под бывший Кёнигсберг уже слишком поздно. Обратился я к командиру. А командиром у нас тогда был полковник, грузин. Ходил в шинели до пят, и рядом с ним всегда немецкий дог. Хорошо он ко мне относился, хоть я и мальчишкой был, а он меня уважал. Потом уже, в сорок девятом, помню, вызвал к себе и спрашивает: «Старшина, учиться пойдешь? Хочешь офицером стать?» – «Так я же под оккупацией был, товарищ полковник, мне же доверия нет». Командир, помахав кулаком в адрес кого-то невидимого, крикнул: «А я тебе говорю, ты будешь офицером!» И стукнул по столу. Да так стукнул, что дог, испугавшись, залаял.

Пока получал отпуск, пока до дому добирался – неделю почти ехал. Уже и снег на полях лежал. Пришел я на кладбище, поплакал над маминой могилкой и назад поехал. Еду и дивлюсь, что еще плакать не разучился. Маминых фотографий не осталось, и я запомнил ее такой, какой видел в последний раз, когда она бежала за нашей колонной, тогда, в сорок четвертом.

В какой-то год Великой Победы всем фронтовикам стали вручать ордена Отечественной войны. Поглядели в военкомате, а по документам получается, что батя мой и не воевал. Кто помнил номер того военно-полевого комиссариата, что призывал отца в штрафбат, кто заводил на него личное дело, если он и выжил-то по недоразумению? Да еще и всю оставшуюся войну прошел без царапины. Никаких отметок о лечении в госпиталях. Медаль за войну есть, а документов нет. Значит, и орден не положен. Я тогда сильно переживал за отца, обидно было.

– Пап, – говорю, – давай в архив писать, справедливость восстанавливать.

А он мне спокойно так отвечает:

– Зачем? Мне разве чего-то не хватает? У меня и за погоны пенсия немаленькая. Я тебе и сейчас еще помочь могу. А потом, понимаешь, такие ордена не запрашивают. Я-то знаю, за что его на фронте давали, и знаю, что я его не заслужил.

Дядя Леша умер в начале семидесятых. Работал директором школы в своем селе. Коммунист был отчаянный, и все с Богом воевал, на Пасху народ в церковь, а дядька мой хату красит, и все тут. Умер совсем еще не старым, прости его, Господи. А еще через несколько лет мы с отцом приехали к нему на родину. Мне тогда было 17.

Помню, заходим во двор дяди-Лешиного дома. Вижу, больно бате от того, что уже нет его брата. Приехали мы в начале осени, еще было тепло, заходим во двор, а во дворе большая куча опавших листьев. И среди листьев разбросанные игрушки уже дядиных внуков. И вдруг

я замечаю среди этой павшей листвы и мусора ордена... Красного Знамени, еще без колодки, из тех, что прикручивались к гимнастерке, и два ордена Красной Звезды. И отец тоже увидел.

Он опустился в листву на колени, собрал в руку ордена брата, смотрит на них и словно чего-то понять не может. А потом снизу вверх посмотрел на меня, а в глазах его такая беззащитность: как же, мол, вы так с нами, ребята? И страх: неужели все это может быть забыто?

Сейчас мне уже столько же лет, сколько было моему отцу, когда он рассказывал мне о той войне, и рассказал-то только один-единственный раз. Я давно уехал из дому и редко вижу отца. Но замечаю за собой, что все последние годы на День Победы, после того как отслужу панихиду по погибшим воинам и поздравлю ветеранов с праздником, прихожу домой и сажусь за стол. Сажусь один, передо мной простая закуска и бутылка водки, которую я никогда и не выпью в одиночку. Да я и не ставлю такой цели, она скорее для меня символ, ведь и отец ее никогда не выпивал. Сажу и целый день смотрю фильмы о войне. И никак не могу понять, почему для меня это стало так важно, почему не моя боль стала моей? Ведь я же не воевал, тогда почему?

Может быть, это и хорошо, что внуки играют боевыми наградами дедов, но только нельзя нам, вырастая из детства, забывать их вот так, на мусорной куче, нельзя, ребята.

Герои и подвиги

Совсем еще маленьким мальчиком я приехал вместе с родителями в Монголию. Мой папа тогда был направлен в ряды дружественной нам монгольской армии для формирования танковых частей. Вместе с ним служили и другие наши офицеры, на выходные или праздники они иногда собирались и отдыхали чисто мужской компанией. Почему-то папа часто брал меня с собой, а других детей я там не помню. Наверное, он не хотел со мной расставаться в редкие дни отдыха. Он много работал, и я почти не видел его дома.

Любили порыбачить. Ловили тайменей, я только тогда и видел, как ловят таких огромных рыб. Готовили уху и, понятное дело, любили посидеть за столом, поговорить, очень хорошо пели. Однажды один из друзей моего отца, видимо наблюдая за мной, как я прутиком, словно саблей, рублю высокую траву, подозвал меня к себе и сказал:

– Ну, скажу я тебе, ты у нас настоящий герой. А раз так, то мы тебя и наградим. – Он снял с себя и приколот мне на рубашку замечательный значок: звезда на подвесочке.

Как она мне понравилась, как мне хотелось выпросить у доброго дяди этот значок, но когда я увидел, с каким уважением мой папа смотрел на звезду, то не решился, а потом, поиграв немного, сам вернул значок назад. Помню, как папа тогда сказал мне:

– Запомни, сынок, этот день. Сейчас ты этого не вместишь, но когда-нибудь я расскажу тебе, что это за звезда.

Прошло время, мне уже было лет восемь. Мы жили в Бобруйске и пошли с папой в музей. На стене в одном из залов, где была представлена экспозиция истории Великой Отечественной войны на земле Белоруссии, висел рисованный маслом портрет молодого сержанта с описанием подвига, совершенного им при освобождении Бобруйска.

– Помнишь того дядю, что прикрепил тебе звезду на рубашку? Вот это он и есть, только здесь он еще совсем молодой. А звезда, что тебе тогда дали поносить, это Золотая Звезда Героя Советского Союза, наша высшая боевая награда. Из его рук ты прикоснулся к подвигу. И запомни, мальчик, каждый мужчина должен быть способен на подвиг и должен готовиться к нему всю жизнь. Иначе он не мужчина, а дрянь.

– Папа, а что такое подвиг? – спросил я его.

– Это способность пожертвовать своей жизнью ради жизни других, – ответил мне папа. Вот именно этими словами и ответил.

После разговора с отцом я стал интересоваться героями и их подвигами. Меня поражало, что среди героев было так много молодых людей и даже подростков. Папа рассказывал о своих однополчанах, отмеченных этой высокой наградой. А среди тогдашних его сослуживцев я насчитал четырех кавалеров Золотой Звезды, причем совсем не в высоких чинах. Среди них был даже один капитан, который и в запас вышел в этом же звании.

У меня, маленького мальчика, появилась мечта тоже стать героем, но как? Я тогда этого не знал. Зато герои стали для меня, ребенка из военной семьи, действительно кумирами. И вы меня поймете, почему однажды, проезжая по Москве и увидев Героя, стоящего возле входа в продовольственный магазин, я сошел с трамвая и побежал назад. Мне очень хотелось рассмотреть его внимательнее, шутка ли, настоящий Герой.

Мужчине с Золотой Звездой на лацкане пиджака на вид было лет сорок пять – пятьдесят. Небольшого роста, с животиком, на голове порядочная лысина. То есть вид его был совершенно негероический, но Звезда, она сияла на солнце и свидетельствовала об обратном. Я в восхищении кружил вокруг Героя, и если бы у меня, как у любого сегодняшнего мальчишки, был с собой мобильник с камерой, то я наснимал бы целую кучу его фоток. Передо мной стоял памятник, да-да, именно памятник, только пока еще живой. Мне очень хотелось узнать: а за что он получил такую высокую награду и в каких войсках воевал? Мое воображение рисовало

его отважным летчиком, или отчаянным танкистом, или... Но тут из магазина вышла, видимо, его жена, женщина больших форм, с двумя такими же огромными, как и она сама, сетками, набитыми покупками в серых бумажных пакетах, и отдала их мужу.

Герой безропотно взял сетки и, не говоря ни слова, пошел вслед за женой. Он шел и нес авоськи! Памятник сошел с пьедестала и нес авоськи! Нет, это было невозможно, мне словно в душу наплевали. Я прочитал столько книжек о героях, мне представлялось, что они с автоматами и спать ложатся, и плакать не умеют, и говорят только киношными штампами. А уж женщины не могли иметь над ними абсолютно никакой власти. Это герои должны были повелевать, и вот на тебе, такой конфуз.

И в тот момент я пришел к мысли, что героями должны быть только те, кто погиб при исполнении, чтобы они оставались маяками и не смущали нас тем, что живут, как обычные люди, едят и пьют, как любой из нас, и даже такие вот огромные авоськи таскают.

Уже став молодым человеком, я столкнулся с поразившим меня фактом. Оказалось, что один из Героев, живший в нашем районе в одной из деревень, работал перевозчиком на лодке. Когда река разливалась, то он перевозил людей с одного ее берега на другой. В очередной юбилей Победы спохватились, что в районе живет Герой, которого вполне можно было бы сажать в президиумы в дни торжеств. Поехали в деревню на разведку. Приехали, из машины вышли, подошли к перевозу и кричат местному «харону»:

– Эй, мужик, где у вас тут Герой живет?

Так тот сперва даже и не сообразил, что это его ищут, и уж только потом, когда его фамилия прозвучала, сказал, что это он.

– И Звезда есть? Предъявить можешь?

А он, оказывается, ее давно пропил. Но к торжеству успели сделать дубликат, и Герой стоял на трибуне среди почетных гостей.

А не так давно я на канале «Звезда» слушал историю, что произошла в годы войны. Рассказывал ее Герой, летчик. Он вспоминал, как приехал в Москву за новой техникой, и его поселили в гостинице вместе с летчиками-штурмовиками, которые тоже получали новые машины. Ребята привезли с собой целый чемодан денег и беспощадно пили во все время командировки. Когда деньги закончились, то им подсказали адрес одного грузина, который хотел купить Золотую Звезду, а все эти летчики были Героями. И все пятеро продали свои Звезды этому барыге. Уже после войны от однополчан тех штурмовиков летчик-герой узнал, что никто из них не дожид до Победы.

В 2007 году мне посчастливилось пообщаться с одним ветераном, который стал Героем в двадцать два года. И я задал вопрос, который меня, честно говоря, давно занимал:

– Трудно ли быть Героем?

Сперва он меня не понял, а потом сказал:

– Никто не знает, как поведет себя в ту или иную минуту. На фронте бояться все, и не верьте, что Героями рождаются, нет, ими действительно становятся. Здесь все важно: любовь к своей семье и своей земле – все. Когда совершаешь подвиг, то не думаешь, что совершаешь именно подвиг. Ты делаешь все, что в твоих силах в создавшейся обстановке. Тогда не думаешь, уцелеешь или погибнешь, главное – выполнить задачу. Здесь нужны и голова, и смекалка. И все же во многом обстоятельства делают человека героем. Он не думает, что через два часа пойдет совершать подвиг, он просто исполняет приказ. И потом кого-то заметили и наградили высоким званием, а сколько солдат на передовой совершали беспримерные подвиги, но остались незамеченными начальством, или их наградные документы затерялись, или кто-то решил, что национальностью или происхождением они не достойны быть Героями. Я думаю, что всех, кто честно прошел войну, должны почитать как героев. Знаете, мне кажется, что Юрий Алексеевич Гагарин действительно много лет готовился к подвигу и сознательно его совершил, а на

фронте во многом, правда, это чаще касается солдат и младших офицеров, какими мы тогда и были, подвиг – дело случая, удачи.

Когда я рассказал ему о моих детских мыслях, после встречи с Героем на улицах Москвы, том самом «памятнике», он долго смеялся, а потом сказал:

– Стать Героем тяжело, но еще труднее жить героем. Трудно соответствовать такой высокой планке. Ведь все твои соседи знают, что ты Герой, все знакомые смотрят на тебя как на пример в поведении и словах. Так что даже и в быту уже не позволяешь себе расслабиться: и лишнюю рюмку не выпьешь, и анекдот «солёный» не расскажешь, и мусор в шортах выбрасывать не пойдешь. И еще самое главное – очень трудно не возгордиться, не начать смотреть свысока на других и не требовать для себя чего-то особенного.

Кстати, скажу несколько слов о Гагарине, что это был за человек. Когда мой отец еще служил в Монголии, закончился срок командировки нашего советника. И он с семьей отправился к новому месту назначения. Вещи контейнером отослали, а сами заехали в Москву, на родину жены советника. И вот такая беда, муж умер прямо в гостях у тещи. Что делать? Женщина давно потеряла московскую прописку, жилья своего не было, дочка училась в Иркутском университете, поближе к прежнему месту службы отца. Стоял вопрос даже элементарно о деньгах, чтобы достойно похоронить офицера.

И вот кто-то посоветовал вдове пойти к Юрию Алексеевичу, он тогда был депутатом Верховного Совета и имел свою приемную. Женщина и пришла под двери этой приемной. Гагарина не было, куда идти, где его искать? Сидит и плачет. Вдруг слышит:

– Женщина, что случилось? Почему вы плачете? Пойдемте ко мне.

Поднимает глаза – и такое до боли знакомое каждому из нас лицо.

Когда та рассказала о своих проблемах, Гагарин задал ей вопрос:

– Что вы хотите, чтобы я для вас сделал?

И та попросила, восстановить ей прописку в Москве и перевести дочь из Иркутска в Московский университет.

Гагарин открыл сейф, достал пачку денег и отдал вдове:

– Это вам на похороны и на первое время в Москве.

Он записал все ее данные, и действительно девочку вскоре перевели в Московский университет, а вдове не только восстановили прописку, но и, как семье военнослужащего, им с дочерью выделили отдельную квартиру.

Когда слышу о Гагарине, сразу вспоминается эта история, и вы знаете, затрудняюсь сказать, за что я его больше уважаю. За тот полет или за то, что, став на то время самым знаменитым жителем Земли, безусловно, Героем, сумел остаться еще и Человеком, способным вот так близко к сердцу принять чужую беду и помочь незнакомым ему людям? И еще неизвестно, в каком подвиге больше героизма, в первом или втором.

Суд совести

Как-то пригласили меня освятить одну квартиру у нас в поселке. Звонили по телефону, хотя я обычно прошу, чтобы человек, прежде чем приглашать священника на дом, если он, конечно, в состоянии, сперва сам пришел в церковь и пообщался со мной. Ведь он же должен понимать, зачем к нему в дом придет священник. Может быть, для начала и нужен такой разговор. Ведь прежде чем чистить стены, хорошо бы почистить души. Уйдет священник из дома, где стали чистыми шкафы и диваны, а источник грязи в сердцах человеческих останется. И что же? Снова через год освящать?

Звоню в дверь, мне открывает уже седой, но еще достаточно крепкий мужчина. Его лицо показалось мне знакомым. Где бы я мог его видеть? Конечно, в поселке с населением семь тысяч человек все, хотя бы мельком, видятся друг с другом. Но его лицо было мне не просто знакомо. Память у меня хорошая, я стал вспоминать, где же я с ним пересекался, – и вспомнил.

Я видел его на фотографии среди воинов-интернационалистов. Вспомнил, что обратил внимание на его многочисленные боевые награды. Среди них орден Боевого Красного Знамени и два ордена Красной Звезды. В наше время такие ордена просто так не давали.

Хозяин квартиры оказался военным летчиком. И в свое время совершил, как это сегодня принято называть, несколько командировок в Афганистан. А попросту говоря, воевал в Афгане. Геннадий, так звали офицера, был пилотом бомбардировщика. Он вылетал на позиции, указанные ему командованием, и бомбил места концентрации войск противника.

Бомбили и позиции душманов, ну и деревни, или аулы, где эти люди жили. Хотя у противника не было своей авиации, зато были переносные зенитные комплексы. С их помощью афганцы научились ловко сбивать наши самолеты. Так что во время полетов всегда приходилось иметь в виду, что ты в любой момент можешь быть сбит. Отсюда и риск, а соответственно, и те боевые награды, которыми отметили бывшего бомбардировщика.

– Что вас заставило пригласить священника? – спрашиваю его. – Вы человек верующий?

– Да не так чтобы очень верующий, скорее, как говорится, Бог у меня в душе. У меня проблемы со здоровьем, батюшка. Пока воевал, все было хорошо, никаких жалоб, а вот сразу же после войны в организме начался какой-то странный процесс. Мои кости стали истончаться, перестал усваиваться кальций и другие необходимые элементы.

Сначала меня списали с летной работы. А потом и вовсе вынужден был уволиться в запас. Самое главное – непонятна причина заболевания. Меня смотрели многие более-менее значимые специалисты в этой области. Ничего не могут найти. Болезнь есть, а причины болезни нет. Каждый год кладут в госпиталь, поддерживают лекарствами, но это скорее так, для очистки совести. Изучать меня изучают, но все без толку. Может, какая порча?

Пока Геннадий говорил, я вспомнил рассказ моей мамы о том, как в сорок первом немец бомбил подмосковный городок Павловский Посад. На железнодорожную станцию сбросили три бомбы. Мама тогда еще в школе училась. Когда бомбы рвались недалеко от их дома, то было так страшно, что она в поисках убежища забежала в туалет, что стоял у них во дворе, и голову спрятала в то самое отверстие. Когда пришла в себя, то все удивлялась, почему посчитала туалет самым безопасным местом. Зато потом всегда говорила:

– Уж я-то точно знаю, что означает «потерять голову».

– А может быть, причина в другом? – спросил я его. – Может, у тебя сперва душа заболела, а уж потом и тело? Ведь ты же бомбил не только боевиков, но и мирное население, все тех же детей и женщин. Проклятия матерей, потерявших своих детей, и плачь сирот, они ведь просто так без последствий не проходят. И поразить могут лучше любого «стингера».

– Война есть война, – отвечал он мне, – ты же знаешь: лес рубят – щепки летят. Всегда при таких делах будут жертвы среди невинных.

Я и предложил ему для начала покаяться в гибели по его вине вот этих самых невинных «щепок». Он обещал подумать.

Через какое-то время мы с ним случайно встретились.

– Что, – спрашиваю, – надумал?

– Не могу, – говорит. – Покаяться – значит считать себя неправым. Значит, то, что я делал, должно считаться неправильным. И что же получается, что я прожил жизнь впустую и должен теперь ее стыдиться, крест на ней поставить?

– Всякая прожитая жизнь – это школа души. У тебя было много доброго, но не обошлось и без злого. Пока есть силы покаяться, покайся в неправде и, насколько хватит опущенного тебе времени, делай добро. Начни хотя бы заботиться о каком-нибудь сироте из нашего детского дома. Все ж зачтется.

В храм он не пришел, при каждой встрече мы сухо раскланиваемся и расходимся каждый в свою сторону. Но я надеюсь, что главный наш с ним разговор еще впереди.

Когда вся страна отмечала годовщину Сталинградской битвы, говорили, естественно, и о военачальниках, мудрость и хладнокровие которых во многом стали залогом этой самой победы. Звучало и имя легендарного командарма генерала Ч. Я тогда старался найти время и посмотреть, хотя бы немного, кадры военной хроники. На одном из телеканалов наткнулся на интервью, взятое в те дни у сына того генерала. И вот что меня поразило в его словах. Он рассказывал о последних месяцах жизни отца. И отец, обращаясь к сыну, говорил:

– Я закрываю глаза и вижу эти бесконечные маршевые роты. Солдаты идут мимо меня сплошными колоннами. Идут умирать. Это все те люди, которых я посылал в бой. Но разве я виноват в их смерти? Сынок, я же исполнял свой долг командующего, почему же они все идут и идут перед моими глазами? Когда все это прекратится? Я же не виноват.

Мы много и справедливо воздаем должное памяти наших славных маршалов и генералов, ставим им памятники, но забываем, что они точно такие же люди, как и все остальные, что им тоже когда-то пришлось подводить итоги своей жизни.

Но о том, как они умирали, мы ничего не знаем.

Как-то в метро, лет десять назад, я видел старенького генерал-полковника, дважды Героя Советского Союза, он куда-то шел на костылях, еле передвигая ноги. Когда-то он был в силе, его возили на машине, соответствующей его должности. А теперь он немощный старик, который нужен, в лучшем случае, только своим детям да очередным историкам, пишущим очередные диссертации. И ему точно так же, как и рядовому солдату, подошло время отвечать за свою жизнь и за свои награды одному-единственному Судии. И предваряется этот суд судом собственной совести. И этот суд есть милость Божия, зовущая к покаянию. Но порой оказывается, что не каждый способен вынести даже этот суд.

Да что о военачальниках, а сколько приходится священнику выслушивать запоздалых слов раскаяния и видеть слез женщин, которые должны были стать, но так никогда и не стали матерями неродившихся детей. Что может быть страшнее, чем убить ребенка?

Несколько лет назад в одной из газет прочел о том, что у немецкого нациста номер два Мартина Бормана был сын, который носил точно такое же имя. Мальчик практически и не видел отца. Его воспитанием занимались другие люди, но когда фашизм в Германии был разгромлен, отец вспомнил о сыне и велел одному из офицеров своей охраны застрелить мальчика, чтобы он не достался победителям, все-таки крестник самого Гитлера. Но офицер пожалел мальчишку и отвез его куда-то в Австрию, к своим родственникам. Интересно, что со временем соседи догадались, что Мартин Борман, который жил рядом с ними, есть сын того самого наци, и тем не менее мальчика никто не обижал. Когда он вырос и узнал о злодеяниях нацистов, и в частности о роли во всех этих делах его собственного отца, то решил стать католическим священником, чтобы хоть в какой-то мере принести покаяние за преступления его родителя.

И вот он вспоминал. Уже в начале шестидесятых к нему в храм пришел бывший немецкий солдат. Он воевал в Польше и принимал участие в подавлении Варшавского восстания. Как известно, у поляков во время войны было правительство в изгнании, которое находилось в Лондоне. Когда наши войска уже подходили к Варшаве, то это самое «лондонское правительство» решило поднять восстание. Но поляки не стали согласовывать свои планы с советским руководством. Сталин знал о начале Варшавского восстания, но не поддержал восставших. Немцы жесточайшим образом подавили сопротивление. И потом по всему городу поляков беспощадно отлавливали и убивали.

Во время одной из таких облав, вспоминал тот солдат, он с офицером попал в какой-то подвал, и когда они шли по нему, то внезапно из укромного местечка, испугавшись их, выбежала девочка лет шести. Сначала она пыталась убежать, но те ее быстро догнали. Тогда ребенок повернулся к солдату и, умоляюще смотря ему в глаза, протянул к нему свои ручонки и попросил: «Не стреляй!»

Солдат вопросительно посмотрел на офицера, а тот махнул рукой, давай, мол, бей. И солдат выстрелил.

Прошло почти двадцать лет с тех событий, и солдат, которому повезло остаться в живых и вернуться домой, стал каждую ночь с неумолимой постоянностью видеть один и тот же сон. Маленькая девочка смотрит на него широко открытыми умоляющими глазами и просит: «Не стреляй!»

Пастор Борман искренне хотел помочь бывшему солдату, ставшему убийцей, но как он ни пытался, к сожалению, ничего не смог сделать. В конце концов человек все-таки не выдержал и покончил с собой. Тот выстрел, что прозвучал тогда, в варшавском подвале, через двадцать лет все-таки догнал свою жертву.

Душехранитель

Рассказ хорошего сельского батюшки в трапезной за чашкой чая

Родился я в большом белорусском селе. Мама моя была медиком, отец работал в колхозе. Никто из моих близких в Бога не верил, кроме бабушки. Она исправно ходила в храм, молилась о нас. Помню, как на Пасху мы с братом разыгрались и стали бросать в бабушку крашенные яйца. Она села на лавку и, так горько вздохнув, произнесла:

– Ой, хлопчики, что же из вас, безбожников, вырастет?

И действительно, вырос из меня хулиган. Угнал я по пьяному делу колхозный грузовик и разбил его. Тогда, чтобы не посадили, родители договорились с военкомом и поскорее отправили меня в армию. Попал я в бригаду спецназа, которой командовал мой родной дядька. Кто-то подумает, служить под началом родного дядьки одно удовольствие. Но только не у моего. Мое время службы совпало с распадом Союза, начались конфликты. Так что и повоевать пришлось. Когда нужно было рисковать, дядька обычно посылал меня.

– А кого, – говорит, – я еще пошлю? Народ скажет, что родного племянника берегу, а других на смерть отправляю.

Досталось мне, конечно, ранен был.

А до этого нас, еще совсем молодых солдат, перебросили на разбор завалов в Спитак. Помнишь то страшное землетрясение в Армении? Пятьдесят тысяч человек погибло. Поначалу было очень тяжело. Форму уставляли стирать, от запаха тлена все нутро наружу выворачивало. А потом привыкли, даже перед едой порой руки мыть забывали. После срочной служил в спецподразделении внутренних войск. Сколько в те годы всякого зверья повылазило! Думаешь, где они раньше отсиживались? Я и сам тогда волкодавом стал, чуть ли не каждый день мы бандюков этих ловили или отстреливали.

В тридцать лет вышел на пенсию. Что я тогда умел? Только догонять да на куски рвать. Стрелял хорошо, с любого положения, не целясь, ножом умел работать, в боях без правил мало кому уступал. Только и у меня самого, наверное, ни одной целой косточки не осталось. Все ребра переломаны, пальцы на руках да и сами руки, в одной ноге металлический штырь. Не надеялся, что до пенсии доживу.

Предложили поработать телохранителем. Кого я только не охранял! Весь модельный ряд, с певцами работал. И вот однажды приезжают ко мне монахи и просят пожить с одним их ветхим старичком. Он, мол, человек святой жизни, монах, да всю жизнь провел в одиночестве, в монастыре жить не привык, хочет и умереть на воле. Ему квартиру сняли в Королеве, а без присмотра оставлять боязно, много сейчас сектантов, сатанистов, да и просто психопатов разных. Мне интересно стало, что это такое – святые люди, я-то ведь все с богемой работал, и меня, сказать честно, от этой публики уже мутило.

Приезжаем к деду на квартиру, а там еще три кандидата, да все такие смиренные, бородатые, длинноволосые, короче, не чета мне, я ведь тогда даже «Отче наш» не знал.

Выходит к нам старичок, посмотрел на нас.

– Вот этот пускай останется. – И на меня показал.

Стали мы с дедом вместе жить. Моими обязанностями было смотреть за порядком. Народу к нему шло очень уж много. Чудно мне было, как этот старенький человек выдерживал всю эту людскую лавину. Ведь к нему со всего мира ехали. Порой так его жалко станет, смотрю, он уж от усталости падает. Тогда подойду, возьму его на руки и, несмотря на его протесты, унесу в другую комнату и закрою там. А народу говорю, как тот матрос Железняк:

– Хорош, дед устал, марш отсюда!

Очень уж отцу Никите нравилось, что мог он со мной, с земляком своим, Беларусь вспомнить. Со временем стал я ему и супчики варить. Любил он рыбный суп с чечевицей.

– Грешник я окаянный, Витенька, – говорит, – люблю рыбный супчик с чечевичкой, такой я старый сластена. Помирать уж пора, а я все чрево никак не обуздаю.

Люди нам деньги жертвовали, продукты тоже несли. Да только раздавал он все. И мало того что деньги отдаст, так еще и все продукты спустит. У нас, наверное, вся тамошняя бомжацкая братия подъедалась. Нельзя его было одного оставлять, только отвернешься, а на кухне уже пусто. Все раздаст.

Стал я от него заначки делать. Деньги у людей брал да тихонько от старца в разных местах прятал, ведь и самим же питаться нужно было.

Собираюсь на рынок за свежей рыбой. Сунул руку в унты, – старцу унты кто-то подарил, а я в них один из схронов и соорудил. Руку сую, а денег нет. Я в другое место, третье. И что ты думаешь? Везде дед деньги нашел и все раздал.

Я тогда на него разозлился.

– На что, – кричу, – я тебе супчик твой сварю, а, дед? Ты почему все деньги спустил, что мы с тобой сами есть будем, а?

А он смотрит на меня виновато, как ребенок, и говорит:

– Витенька, прости меня, Христа ради. Вдова из Воронежа приезжала, одна с тремя детьми осталась, молитв просила. Как же я ее без копейки денег отпущу? Жалко человека.

– Да к тебе полстраны едет, что же нам теперь, с голоду помирать? Всех не пожалеешь, на всех тебя не хватит.

– А вот Его на всех хватало, Он всех жалел, значит, и мы, Его рабы нестоящие, должны всех жалеть. А о хлебе не беспокойся, давай лучше помолимся, Господь и нас с тобой не забудет.

И действительно, стоило старцу помолиться, как тут же кто-нибудь и появлялся. Еды принесет и спрашивает меня, что, мол, еще из продуктов прикупить. Я тут же списочек составлю. Хочется, конечно, побольше всего заказать, да бесполезно, через пару дней опять «на молитву становись», есть-то что-то надо.

У старца была привычка вставать в три часа утра. Мы с ним вдвоем спали на надувном матрасе. Дед маленький был, я у него в ногах помещался. Проснется утром и меня ногой будит:

– Вставай, Витенька, молиться надо.

– Я не монах, сам и молись, я на кухню пойду досыпать.

– Нет-нет, Витенька, я молиться буду, а ты только покади.

Я кадило разожгу, а отец Никита кадит, да так, что дым глаза ест, и начинает записки читать. Он их уже раз по сто прочитал, а все читает и читает. И так каждую ночь. Думаю, что делать? Замучает меня старик. Стал я потихоньку от него записки прятать и во дворе сжигать.

«Да ты не смотри на меня так, – это он мне, – я уже в этом давно покаялся. Ты сам попробуй со святым человеком пожить, с ума сойдешь».

Бывали мы с ним в Москве в разных храмах, в основном отцы плохо нас принимали. Ревность начиналась, старца многие верующие знали, и как увидят, так и бегут к нам, а отцам обидно было. Вот только к отцу Т-ну в Ср-ский монастырь приедем, ему докладывают, он сразу к нам. В первый раз подошел к старцу, ему руку поцеловал и мне. Я не ожидал такого и потом всякий раз за старчика прятался, чтобы у меня руки не целовали.

При мне посещал старца, уже покойный, отец Иероним из Санаксар. Я их тогда никого не знал, это потом уже в книжках на фотографиях узнавал и по подписям имена запоминал. Четыре месяца я вместе с отцом Никитой прожил, и собрался он помирать. Послал меня отправить телеграммы по девяти адресам, чтобы приехали к нему те, с кем он еще в горах Абхазии в пятидесятые подвизался. Перед смертью его парализовало на левую сторону. Я прихожу с рынка, вокруг него бабки сидят плачут. Он меня увидел, обрадовался:

– Как хорошо, что ты пришел, гони их всех, не хочу при них умирать.

Я его еще в туалет успел сводить, в постель уложил. Лежит он, и представляешь, в этот самый момент к нам приходят и говорят, что деду паспорт принесли, первый в его жизни паспорт. Он ведь все по горам да по квартирам чужим жил, паспорта своего никогда не имел. Я говорю:

– Батюшка, паспорт тебе принесли, что с ним делать?

Старчик усмехнулся:

– Да зачем он мне теперь, Витенька, брось его, мне уже на небесах прописка нужна.

Так он к нему и не притронулся. Потом замолчал, вздохнул и словно уснул.

Отец Никита так выбрал момент послать вызов на похороны, что никто из его друзей уже не застал старца в живых. Приехали семь монахов и две монахини. Помню, первым пришел отец Р-л (Б-ов), они с моим старчиком, еще в Абхазии, вдвоем в одной пещере много лет прожили. Маленький такой, женоподобный, заходит и весело кричит:

– Ну, ты и хитрец, Никита, ушел-таки первым! Всех нас вокруг пальца обвел.

Запомнилось, что все, кто приезжал, здоровались со мной, как со старым знакомым, и называли меня по имени.

Прошло несколько дней со дня похорон отца Никиты. Я на своем веку много смертей повидал, и эта, да такая мирная, меня никак не задела. Помню, иду по Москве, в районе Речного вокзала, и вдруг ни с того ни с сего мне стало так плохо. И не могу понять, что со мной. Думаю, надо немедленно выпить, известно, это же лучшее средство от всяких непонятностей. Выпил, а не помогает. Такое чувство, словно рвут меня на части, только изнутри, душу разрывают.

И сообразил ведь, помчался в Ср-ский монастырь к отцу Т-ну. Он увидел меня и сразу все понял. Не говоря ни слова, завел в храм и оставил в нем на ночь. И я, здоровый сильный мужик, проплакал до утра. Никогда со мной такого не было. Утром пришел в себя, а я монашеской безрукавкой укрыт. Это отец Т-н ночью ко мне приходил и своей безрукавкой накрыл, так она у меня и осталась. Спрашиваю его:

– Батя, что со мной?

Он мне объяснил:

– Благодать от тебя отошла. Когда ты со старцем жил, ты же в его благодати, как в речке, купался, а сам того и не замечал. Я тебе руку не зря целовал, ты причастником святости был. А теперь та благодать, что он стяжал, после его смерти тебя покинула. И ты еще долго в себя приходишь будешь. – Он подозвал кого-то из монахов и указал на меня: – Когда бы ни пришел, открывай ему храм.

Много тогда, после смерти старца, я глупостей натворил, одно время пил как сумасшедший. Ребята мои даже на дачу меня вывозили, пристегнут наручниками к батарее и пить не дают. А потом вижу во сне: приходит мой старец и говорит: «Не бросишь пить, Витенька, помрешь, как муха, а я в тебе еще тогда священника разглядел». Поверишь, проснулся и чувствую, не хочу пить, и вот уже сколько лет этой заразы в рот не беру.

Потом привезли меня в Оптину к отцу И. До сих пор он меня ведет и на священство благословил. Перед рукоположением во сне снова отца Никиту видел, что говорил он мне, не помню, только очень уж он доволен был. И сейчас вспоминаю его слова, что говорил он мне в Королеве, ведь всю мою жизнь старец наперед прочитал.

Вспоминается то время, смешно и стыдно, как ходил по Оптиной с сигаретой в зубах. Стою у келии отца И., жду его и курю, монахи мимо идут, и поверишь, ни один мне замечания не сделал. Потом уже, через год, я через «штрафные» поклончики и говорить без мата научился, и вести себя как церковный человек, а тогда, сделай бы мне кто замечание, я бы тут же развернулся и уехал.

Повезло мне, отец, что пересеклись мои пути с такими людьми. Никак поначалу не мог понять, за что меня Господь из зверя в ангела обратил, а потом понял, что неправильно вопрос ставил, нужно спрашивать не за что, а зачем. Теперь ко мне столько моих бывших сослуживцев приезжает! Ты не смотри, что они такие большие и сильные, на самом деле они очень ранимые и не каждому могут открыться. А мне верят, ведь я же один из них, правда, теперь только уже не тело-, а «душехранитель».

Острова

В продолжение к рассказу «Душехранитель»

Мой друг, отец Виктор, лет десять назад опекавший в подмосковном Королеве отца Никиту, как-то рассказал мне об одном забавном случае, связанном со старцем. Однажды батюшка, обращаясь к своему помощнику, тогда еще просто Виктору, попросил:

– Витенька, хочется мне старику в баню съездить, в парилке попариться, давно в настоящей баньке не был.

– Да без проблем, – отвечаю.

Выбрал время, когда в одной известной мне бане людей бывает немного, и повез туда старика. В бане действительно было малолюдно и в основном пенсионеры. В отличие от остальных, отец Никита полностью не раздевался. Завернулся в простыню и направился в парилку.

В парилке на нижнем полке сидело несколько крепких молодых парней. Я наметанным глазом определил, что, скорее всего, это «братки». Сидели они, раскрасневшиеся от пара, в парилке было жарко. Я думал, что батюшка последует примеру молодых и тоже немного посидит внизу, а минут через пять выйдет, но не тут-то было.

Отец Никита, несмотря на свой весьма почтенный возраст, забрался на самый верхний полоч. Лежит и просит меня:

– Витенька, дружок, плесни на камушки, добавь парку, а то мне старику зябко, – и улыбается.

Всем жарко, а ему зябко. «Ладно, – думаю, – добавим». Раз добавил, два добавил. Жара невозможная, братва шапки понадевала, рукавицы, а все равно не выдержали и как пробки повывлетели из парилки.

Я то входил, то выходил глотнуть свежего воздуха. Ребята смотрят на меня с удивлением: «Что за дед такой?»

Я еще забыл сказать, у старца на шее на простой веревке куча крестиков висела и образков, много, килограмма на два весом. Видимо, как кто-то дарил ему крест на молитвенную память, так он и надевал его на себя и носил, словно вериги. Мало того, что в парилке жарко, так еще и такая «цепь» на шее. Ведь металл разогревается и начинает тело печь.

Наконец, оставшись в парной в одиночестве, старец с видимым удовольствием надышался горячим воздухом, а потом вышел к нам. Восхищенная молодежь, не зная, кто мы, принесла нам по кружке пива в знак «глубокого уважения». Правда, батюшка пиво пить не стал, а я, как лицо к нему приближенное, «испил чашу славы» за нас обоих.

Уже как домой ехать, спрашиваю:

– Дед, как ты такую жару терпишь? Мы вон молодые, а из парилки все убежали.

– Опыт, Витенька, даже отрицательный опыт приводит к навыку. Много лет назад, когда я был таким, как ты, отбывал срок в одном из концлагерей недалеко от Магадана. Охраняли нас солдаты. Представь, какая у них была служба – охранять народ от его врагов, и в первую очередь от нас, людей верующих. Почему-то отношение к нам со стороны охраны было самое отрицательное, даже к ворам и убийцам они относились человечнее.

Напьются солдатики, хочется как-то развлечься, а что придумаешь: кругом вечная мерзлота, никаких селений, сплошная тундра. Вот и придумали они нас, священников да монахов, в бане парить. Набьют нами парную, как селедок в банку, и греют ее. Хорошая была парная, разогревалась, наверное, градусов под сто пятьдесят, а то и больше, благо угля хватало. А сами ждут под дверью, когда мы кричать начнем. Хочешь выйти, выпустят. Кричи, что Бога нет, и иди. Так они сперва всех сердечников убили, потом стариков укатали, больных и слабых, а

мы, молодежь, выжили. Так что на учили меня, Витенька, париться. На всю оставшуюся жизнь научили.

Слушал я рассказ отца Виктора и вспоминал поездку в Бутово, на известный расстрельный полигон. Там в ноябре тридцать седьмого были казнены наши священники, а потом еще одиннадцать отцов из соседних храмов. Досталась мне на память о поездке книга о тех, кто погиб на Бутовском полигоне. В ней множество фотографий из расстрельных дел. Смотришь на этих людей, и насмотреться не можешь, какие глаза, какой в них ум, сегодня такие лица редко встретишь. Особенно запомнились фотографии священников и аристократов. Вот две категории людей, не терявших человеческого облика даже перед лицом смерти. Одних поддерживала вера, других удерживал долг чести.

Но больше всего меня поразили лица и судьбы палачей. Оказывается Москву и область в течение практически тридцати лет «обслуживала» расстрельная команда из двенадцати стрелков. По приблизительным подсчетам получается, что за каждым из них, как минимум, жизни десяти тысяч человек. Легендарные личности, такие как знаменитый латыш Магго. Он наловчился убивать еще в Гражданскую. Обычно угрюмый и пьяный, он неестественно оживлялся в ночь перед «работой», по его возбужденному виду и потиранию рук заключенные понимали, что ночью предстоят расстрелы.

Массовые расстрелы были организованы, как хорошо отлаженный конвейер. Людей из тюрем свозили автозаками на полигон и загоняли в одиноко стоящий барак. Сначала заключенных проверяли на соответствие фотографиям в личных делах. Затем по одному выводили из барака. К каждому приговоренному тут же подходил палач и отводил человека ко рву. Убивали выстрелом из пистолета в затылок.

В день, а вернее, в ночь, редко казнили меньше ста человек, а было расстреливали и по пятьсот, и даже больше. Интересные подробности: во время расстрела палачам выставляли ведро водки, можно было подходить и черпать сколько угодно, а рядом стояла емкость с одеколоном. После работы они им чуть ли не обливались, но от них все равно несло кровью и смертью, да так, что даже встречные собаки за квартал шарахались.

В дни особо массовых расстрелов в помощь приглашались сотрудники и руководство органов. «Пострелять», как на охоту. То-то было весело. Кстати, многие из них через какое-то время там же получали и свою пулю.

Почти никто из постоянных палачей не дожил до старости. Кто стрелялся, кто вешался, сходили с ума, спивались. Понятное дело, работа нервная. Бывало, что сорвется кто-нибудь, начинает дома постоянно буяннить и с соседями, неуправляемым становится, порой и его самого, от греха подальше, под шумок укладывали на дно рва вместе с жертвами.

Генерал КГБ В. Блохин, тогда капитан, по отзывам сослуживцев, человек простой в общении, отзывчивый и всеми любимый за постоянную готовность помочь подчиненным в их бытовых затруднениях. В тридцать шесть лет поступил во второй институт, Московский архитектурный. Грамотный, интеллигент, в отличие от остальной бригады. Тем в личных делах даже писали рекомендации типа: «товарищ сильно нуждается хоть в каком-нибудь развитии».

В то же время, частенько надевал на себя резиновый коричневый фартук, такие же сапоги и краги. И убивал. Хотя это не входило в его служебные обязанности. Любил людей в затылок пострелять. Прожил долгую жизнь, наверное, счастливую. Вся грудь в орденах, кстати, у расстрельщиков боевых орденов, что у тех же летчиков военных лет.

И вот вопрос: откуда у нас в столь короткий срок появилось столько палачей, людей готовых убивать, и убивать с удовольствием? Ведь в дореволюционной России порой на всю империю оставался один-единственный палач, которого вынуждены были возить с места на место. Не шел никто в палачи.

Не думаю, что палачи советского времени имели за свою работу многие жизненные блага, жили, как все, но с готовностью убивали. Не скажешь, что это были люди идеи, скорее они отличались чудовищным невежеством, хотя среди них встречались и такие, как Блохин.

А сколько было всяких охранников, начальников отрядов, зон, тюрем! Все они причастны к массовым казням и издевательствам над людьми. А сколько трудилось по стране этих «троек», приговаривавших ни за что людей к расстрелу или былинным срокам заключения! И ведь никто не понес никакого наказания.

Когда немцев разгромили, то встал вопрос, что делать со всем этим множеством бывших охранников и прочих сотрудников концентрационных лагерей, как их судить. Нужен был критерий оценки их преступления. Да, они убивали, но это были их должностные обязанности. Люди-то они подневольные. За что же их тогда судить, в чем их вина? Я читал, что разбирались с ними следующим образом. Искали свидетельства на тех, кто любил, именно любил, позверствовать, кто убивал вне своих должностных обязанностей или добровольно, сверх уже «отработанных» часов. Через такие разбирательства и суды прошли очень многие бывшие эсэсовцы. За решетку тогда попало множество людей, а кого-то и казнили.

А у нас? Мы вышли победителями, и поэтому тех, кто глумился над своими согражданами, всех этих следователей, доносчиков никто не призвал к ответу. В этом их счастье и в этом их великая беда. Есть суд человеческий, а есть суд Божий. Когда человек отвечает за свои злодеяния здесь, на земле, когда еще здесь его делам дается оценка и он действительно осознает себя виновным, да еще и раскаивается, то он уже и там будет судим другим судом.

Что чувствует палач невинных жертв перед концом своей жизни? Один человек рассказал мне о своем отце, тот был одним из наших первых десантников. В годы войны они забрасывались на парашютах за линию фронта и проводили рейды по тылам противника. В один из ночных рейдов с ним десантировались молодые, не обстрелянные еще ребята, только недавно прибывшие в часть. Один из них никак не мог решиться на прыжок, так он просто вытолкнул этого парня в темноту люка. Что с тем парнем стало, он не знает, раскрылся ли у него парашют, нет ли? всю жизнь мучился человек этим вопросом. А как же убивать людей, убивать в затылок, загонять вот в такие убийственные парилки?! Ведь потом, в конце пятидесятых, началась реабилитация, ведь все поняли, что стали соучастниками массовых преступлений над невинными людьми. Что чувствовали и переживали эти люди?

Отец Виктор рассказывал: как-то обедали они со старцем Никитой, и вспоминал тот про свое заключение в лагере, о тех, с кем сидел, и о тех, кто их охранял. Потом вздохнул глубоко и сказал:

– Как людей жалко.

– Кого, батюшка, тех, кто сидел, или тех, кто охранял?

– Всех жалко, а особенно тех, кто по той стороне колючки ходил. Все мы срок отбывали, и по ту сторону, и по эту. Но мы знали, за что страдали, многие тогда же и мученический венец приняли. А они, палачи наши? Они-то за что души свои положили, кому служили? Страшно становится, на какие муки люди себя обрекли и в этой жизни, и в будущей. Хотя, по правде сказать, страдать способна не каждая такая душа, а только та, в которой еще уцелело что-то человеческое, та, что еще не совсем умерла. Способность души испытывать муки совести есть признак ее жизни. А выжить им было тогда ох как трудно.

Однажды приехал в Королев к старцу один уже пожилой мужчина с внучкой. Девочка оказалась бесноватой, и дед просил старца почитать над ней. Отец Никита внимательно стал всматриваться в лицо старика, а потом вдруг назвал его по имени и спрашивает:

– Ты меня помнишь? Нет? Постарайся, напряги память, мы же с тобой в одном лагере были, ты же еще все убить меня обещал.

Причем говорит он ему, а в голосе никакой злобы, никакого осуждения. Словно хотел напомнить человеку про какую-нибудь пирушку или забавное приключение, в котором они вместе принимали участие.

Оказывается, приехавший старик был начальником лагеря, в котором когда-то сидел отец Никита. Не знаю, узнал он старца или нет, только упал перед ним на колени и заплакал в голос. Обхватил его ноги обеими руками и кричит:

– Прости меня, отец Никита, прости! Я ведь к вере пришел, всю жизнь свою передумал. Камнем она у меня на душе лежит, моя жизнь, а ведь я уже старый, мне умирать скоро, как же мне умирать? Как я Ему в глаза смотреть буду, какой ответ дам? Что мне загубленные мною души скажут? Прости меня, отец, за всех прости!

Обнял его старец, прижал к себе голову бывшего своего палача, видно было, что молится, и тихонько покачивает его из стороны в сторону, словно отец малое дитя баюкает. А тот, успокаиваясь, всхлипывает.

Мой друг вспоминает:

– Через несколько лет, уже после смерти отца Никиты, смотрел фильм «Остров» и поражался, не с моего ли старчика списали этот сюжет, а потом понял, что их жизнь, жизнь того поколения, – это бесконечные «острова», сплошные «архипелаги».

Порой размышляю над всем этим и только одного боюсь: нам бы не наоткрывать своих «островов».

Преодоление

Классе, наверное, в седьмом мы учились во вторую смену. Была осень, октябрь месяц, смеркаться начинало часам к четырем, так что четвертый-пятый уроки без света проводить было уже невозможно. Учиться никому особенно не хотелось, и поэтому, когда к нам в класс на перемене забежал пацан по фамилии Куницын и, сунув в розетку нехитрое приспособление, устроил короткое замыкание, народ отреагировал на это событие радостно. Школа была переполнена, найти свободное помещение было нереально, поэтому нас отпустили домой.

Проделанный фокус с коротким замыканием так воодушевил бездельников, что пробки в нашем классе стали гореть каждый день. Неутомимый Куница старался вовсю. Он учился в одном из параллельных классов и был из числа тех, о ком говорили, что по нему давно «тюрьма плачет». Его боялись все. Не то чтобы он был очень силен и смел, но говорили, что этот пацан мог, недолго думая, и нож достать, да и в одиночку он никогда не ходил. Возле него неизменно кружились еще трое-четверо таких же шпанюков. Даже старшеклассники с ними не связывались. Куница говорил мало, не помню, чтобы он кому-нибудь угрожал, он просто молча бил, и если ему нужна была помощь, то вслед за ним на жертву набрасывалась вся его ватага.

Учителя устроили слежку за нашим классом, но уследить за хулиганом не могли. Однажды я остался на перерыве в классе, и в этот момент прошмыгнул Куница и, как обычно, закоротил розетку. Только он убежал, как влетает к нам учительница и кричит мне:

– Кто это сделал?! Немедленно отвечай!

Я огляделся по сторонам и обнаружил, что в классе, кроме меня, никого нет. И учительница понимала, что именно я был единственным свидетелем происшедшего. Разумеется, я сделал удивленное лицо и солгал, что не знаю этого человека.

– Не знаешь, ну что же, зато я наверняка знаю, что это вседелки Куницына.

Да, учительница попала в самую точку, только она не учла, что свидетелей нашего с ней разговора не было, и когда репрессии пали на голову хулигана, весь класс решил, что это я «сдал» учителям юного Робин Гуда. Вот тогда-то мне и пришлось испытать на собственной шкуре, что значит быть отверженным. Со мной перестали разговаривать, и были даже ребята, которые специально следили, чтобы со мной никто не общался. Одна из девочек в эти дни подошла ко мне и, назвав меня иудой, плюнула в лицо. Никакие мои попытки оправдаться в счет не принимались. Почему-то сделать больно мне старались именно те ребята, кого я пускай и не считал своими друзьями, но к кому всегда относился с неизменной симпатией.

Была еще одна причина плохого отношения ребят ко мне. Дело в том, что большая часть моих одноклассников происходила из семей, в которых отцы косвенно или напрямую подчинялись по службе моему отцу. Батя мой был еще тот служака. Я реально стал привыкать к нему только тогда, когда он уже вышел на пенсию, а до того я его практически дома-то и не видел. Болезненно честный и преданный армии человек, он и от своих подчиненных требовал такой же самоотдачи, а это нравилось далеко не всем. У моего отца был абсолютный авторитет, его уважали все, но, мягко говоря, не любили. Мужчины приходили домой, и в разговорах на кухнях жаловались женам на моего батю, а дети все это слышали, и, понятное дело, им хотелось отомстить. А кому они могли мстить? Только мне, поэтому драться приходилось часто. И ладно бы, если по-честному, один на один, так ведь порой подкупали ребят из старших классов, и тогда мне приходилось совсем худо.

И случай с Куницей не преминули использовать. Короче говоря, уже на следующий день я увидел его, идущего мне навстречу. Без лишних выяснений он с ходу ударил меня по лицу. Честно скажу, боялся я его и раньше сторонился их компании, а теперь совсем страшно стало. И так весь класс от меня отвернулся, а здесь еще и Куница с дружками. Когда он приходил меня бить, сбегался весь класс и, окружив нас, с интересом, словно в цирке, наблюдал за экзе-

куцией. И никто за меня не заступился, ни разу. Все переменки и особенно возвращение домой из школы превратились для меня в муку, я вынужден был постоянно прятаться и заранее продумывать пути отхода.

В нашем классе учился мальчик, Сережа Мод, он пришел к нам совсем недавно. Я так и не понял, кто он по национальности, но, видимо, в его жилах текла и южная кровь, потому что, в отличие от нас, Сережа уже брился. Его плечи развернулись и налились силой, и он больше походил на молодого мужчину, чем на ученика седьмого класса. И вот однажды, сразу же после очередного моего избиения, он вдруг подошел ко мне и незаметно шепнул:

– Не бойся Куницу, дай ему, а дружков, если что, я беру на себя.

Сережа, дорогой мой, никогда я тебе этого не забуду. Словно крылья выросли за моей спиной, и я побежал догонять моего палача. Тот уже возвращался по коридору в свой класс походкой уверенного в себе человека, делающего грязную, но необходимую работу. И когда я догнал его и резко развернул на себя, то от удивления у него открылся рот. И вот в этот самый рот изо всех своих сил я послал первый удар, а потом бил его, Господи, как же я его бил. Никогда, ни до, ни после мне не приходилось так бить человека. Потом, вспоминая те минуты, я понимал, что бил его с чувством огромной радости и даже счастья, вмещая в несильные тогда еще удары весь свой страх, всю свою обиду за всю ту неправду, которую учинили со мной мои товарищи. Но так некстати прозвенел звонок, и учителя с трудом оторвали меня от его тела. А я не мог насытиться.

На следующей перемене Куница, побитый и удивленный, вместе с дружками пришел снова. И я молча побежал к нему, точно боясь, что он передумает и уйдет. В этот раз я снова бил его, бил головой о стену, а потом спустил с лестницы. С того дня я перестал бояться. Еще раз на следующий день Куница попытался было, гипнотизируя меня своим холодным взглядом, вернуть утраченные позиции, но, в очередной раз получив отлуп, полностью исчез из моей жизни.

Потом я наподдал еще двоим-троим моим бывшим товарищам, наиболее отличившимся в те дни, и ушел из школы. Не мог я больше учиться вместе с ними, меня мутило от одной только мысли, что приду снова в класс и вновь увижу эти лица. Я уходил с гордо поднятой головой, неплохими оценками по предметам и двойкой по поведению.

Одна-единственная встреча произошла у нас с Куницей уже спустя много лет. Ведь в любом романе рано или поздно старые враги встречаются снова, на так называемой «узенькой дорожке». И эта встреча должна была когда-то случиться, и она случилась. К тому времени я уже успел окончить институт и только-только вернулся из армии.

Была декабрьская ночь, проводив девушку, я возвращался домой. Иду задворками, место темное, и всего один тускло горящий фонарь. Дорожка действительно узкая, двоим не разойтись. Под фонарем стоит кучка молодых людей, а на дорожке – Куница. Я сразу узнал его, но не сворачиваю с дороги и иду прямо на него. Чувствую, что и он узнал меня, смотрит своим привычно холодным немигающим взглядом. Возмужал, стал шире в плечах, наверное, уже и на зоне побывал.

Иду ему навстречу и понимаю, что я его не боюсь, пускай рядом с ним его неизменные дружки и в карманах конечно же ножи, тогда это у нас было в обычае, но страха нет. Не знаю, может, Куница и высматривал у меня в глазах присутствие страха, а если бы увидел, то и бросился бы на меня. Но нет, метра за два, как мне подойти, он вдруг резко отошел в сторону и отвел взгляд.

Я понял, что снова победил его, но только еще прежде, за несколько лет до этой нашей с ним встречи, я победил себя. Победив себя, заставил его бояться и уважать меня.

Сидим в трапезной с отцом Виктором, пьем чай и рассуждаем на высокие материи. Поговорили, кстати, и о страхе, о необходимости преодоления мальчиком этого чувства еще в детстве, чтобы не потянулось оно за ним во взрослую жизнь. И о том, как индивидуальны пути преодоления внутреннего присущего нам чувства самосохранения, граничащего с таким пороком, как трусость. Ведь и на самом деле, откуда берутся трусы?

Вот, помню, давно уже как-то смотрели мы чеченскую хронику.

Идет отряд моджахедов – большой, человек в пятьсот. И вдруг откуда-то сбоку начинает строчить по ним одинокий пулемет, кого-то посекло пулями, другие стали отстреливаться и довольно быстро подавили ответным огнем одинокую точку сопротивления. Пулемет замолчал, а навстречу бандитам приближается фигурка нашего солдата с высоко поднятыми руками. В руках автомат.

– Не стреляйте! – кричит солдат. Подходит ближе. – Вот смотрите, я не сделал в вашу сторону ни одного выстрела, я не стрелял, это они стреляли. – показывает он в сторону погибших пулеметчиков, – а я нет!

К несчастному солдатику подошел бородастый чечен и, резко развернув его на себя, перерезал под общий смех парню горло. Трусов не уважают нигде. Хотя, по свидетельству знакомых спецназовцев, и среди горцев храбрецов на самом деле ничуть не больше, чем среди наших ребят.

Мы разговаривали с отцом Виктором и пытались понять, когда мальчик становится воином. И пришли к выводу: тогда, когда в его жизни появляется то, ради чего он способен пожертвовать собственной жизнью. Мы ведь как говорим? Что самое дорогое у человека – это его собственная жизнь. Вот такой человек, что ценит свою жизнь больше всего остального, на самом деле очень опасный человек. Именно среди таких людей бывает самый высокий процент предателей и подлецов.

Так вот, для настоящего воина высшее состояние – это готовность положить душу свою за други своя, а иначе он не воин. Самое большее – наемник, а наемник в конце концов обречен на поражение, даже если остается жить.

Я рассказал отцу Виктору ту историю из моего прошлого, ставшую для меня своеобразной чертой, под которой закончилось детство и начался процесс становления мужчины. А батюшка продолжил:

– Мне твой рассказ напомнил случай из моей собственной юности. В свое время я был призван в армию и служил в одной из десантно-штурмовых бригад. Когда начались события в Карабахе, нас в срочном порядке перебросили в те места. И мы вступили в боевые столкновения с противником. Причем воевали там не столько армяне с азербайджанцами, сколько мы с турками.

Как только Союз стал давать трещину, так наши соседи сразу же стали пробовать нас на прочность. Сейчас нередко можно услышать: ну зачем мы воюем на Кавказе, отдайте Кавказ кавказцам, пускай они сами между собой и разбираются или зачем мы втянулись в войну за Цхинвал, зачем там своих людей кладем? Бать, ты этих людей не слушай. Если мы хотим выжить, нам придется воевать. Если не будем воевать в Южной Осетии, значит, будем воевать на всем Кавказе, не станем воевать на Кавказе, война придет в Москву. И это все уже было на нашей с тобой памяти.

Так вот, отче, моя группа, а я в то время был сержантом-срочником, мне тогда еще и двадцати не было, совершала рейды по тылам противника. Мы устраивали диверсии, взрывали склады с боеприпасами, мосты, базы с горючкой.

Однажды, уже выполнив задание, возвращались домой. Не стану посвящать тебя в подробности, но насолили мы противнику крепко, поэтому и бросились они за нами в погоню, отомстить решили.

Мы спешно отходили, стараясь не вступать ни в какие стычки. И вот во время отхода один из моих бойцов, Дима, подрывается на mine. Взрывом ему оторвало пятку. Что было делать? Сам понимаешь, в нашей ситуации или погибать всем, или ему одному. Мы перевязали раненого и оставили ему в дополнение к его боезапасу пистолет, на случай «если». И отряд пошел дальше, погоня уже дышала нам в спину.

И в этот момент, когда мы тронулись в путь, а он остался, я понял, что не могу его бросить. Вот не могу, и все. Не смогу я тогда жить дальше, есть, пить, не смогу, если брошу. И я остался. У нас уже тогда было с собой специальное средство, от которого человек переставал чувствовать боль и усталость, и даже при ранении мог двигаться своим ходом. Я ввел его Диме, и мы пошли. Конечно, догнать отряд мы не смогли бы ни при каких условиях. Дима где-то шел, а где-то я волок его на себе.

Единственное, чем могли нам помочь ребята, так это тем, что пошумели и увели погоню за собой. Поэтому мы и смогли несколько дней спокойно «ковылять» по направлению к своим. Дима мог идти, наступая только на одну ногу, а на другую я соорудил ему что-то наподобие костыля. Он шел, повисая на мне. И я время от времени вводил ему средство обезболивания, чтобы он не терял сознания.

Те, кто преследовал отряд, не смогли догнать наших ребят, зато они вычислили нас с Димой. Зная, что у нас раненый, они понимали, что диверсионная группа, будь раненый в основном составе, не смогла бы уйти от преследования. Тело они не нашли, значит, кто-то каким-то образом должен еще пробиваться назад вместе с ним, отдельно от остальных.

Тогда они просто рассчитали путь, которым мы пойдем, и двое суток ждали нас. Мы, по всей логике вещей, должны были выйти и двигаться по одному неглубокому ущелью. Обойти его с раненым на руках было невозможно, и противник занял позицию наверху по стенам ущелья с обеих сторон.

Я шел и волок Диму на себе, он у меня что-то уже лопотал в бреду. Мы вошли в ущелье, и только тогда я увидел их. Они стояли, совершенно не прячась, наверху, по стенам слева и справа. Я, вскинув автомат, продолжал идти и тащить друга. Потом опустил оружие, понимая, что сопротивляться бесполезно, мы были как на ладони. Что делать? И я решил не останавливаться. Если попытаются взять в плен, то у меня была граната. Мы шли, и я ждал, когда они начнут стрелять. Но они не стреляли. Вот мы прошли уже половину пути, и было так тихо, что я слышал, как бьется мое сердце, а оно готово было выскочить из груди. Может, они не хотят стрелять нам в лицо и расстреляют потом в спину? Это невыносимо тяжело: медленно идти под прицелом автоматов, каждый шаг как последний. И только ждешь: когда?

Наконец мы прошли все ущелье, и только тогда я остановился и оглянулся назад. По стенам никого не было. Они ушли, так и не выстрелив.

Когда мы добрались до своих, было столько ликования. Дима сейчас живет недалеко от Нижнего, я потом с ним встречался.

И знаешь, правильно говорят, что жизнь порой поворачивает круче любого романа. Уже давно закончилась та война, давно распался Союз. Дело было в Москве, я тогда служил старшим лейтенантом, и мой взвод охранял встречу представителей закавказских республик. Там я и познакомился с одним из сотрудников охраны азербайджанской делегации. Разговорились, и я сказал ему, что еще мальчишкой воевал в Карабахе. Он обрадовался и сказал, что тоже принимал участие в той войне. Мы разговорились и стали перечислять места, где участвовали непосредственно в боях. И представляешь, оказалось, что он был командиром той самой группы, что устроила нам тогда засаду. Мы с ним даже обнялись. Он-то мне и рассказал, как они нас ждали.

– Почему же вы не стреляли? – спрашиваю.

– Потому, что я команду не дал стрелять, – отвечает.

– А почему ты не дал команду?

– А тебе бы хотелось, чтобы я ее дал, да?! Сам понять не могу, не дал, и все тут, но только не из жалости. – Помолчали. – И знаешь, когда мы возвращались, меня никто из бойцов не спросил: почему мы не стали стрелять? И еще, самое главное. Меня никто не сдал начальству. Я смотрю, в лейтенантах ходишь? Не много же ты наслужил в новой России. Что, уже скоро на пенсию? Хотя, – он махнул рукой, – таким, как мы с тобой, никогда не выслужится до высоких чинов.

Прощаясь, мы еще раз обнялись, и он сказал:

– А все-таки хорошо, что я тогда не стал стрелять. Ведь это то небольшое, брат, за что и мне сегодня не стыдно ходить по земле.

Положение обязывает

Весной автомобиль моего друга, отца Виктора, вылетел на встречу и чудеснейшим образом, никого не задев, остановился в кювете, уткнувшись в пень. Первым же делом, придя в себя, батюшка позвонил друзьям в Москву. Через два часа его машину уже везли в ремонтную мастерскую, а он заехал ко мне.

Батюшка представил мне своих друзей:

– Знакомься, это – Игорь.

Выше меня на голову, классический квадратный подбородок и на глазах солнцезащитные очки. Игорь – полковник МВД, большую часть службы проводит на Кавказе, в настоящее время в отпуске.

– Игорь, возьми благословение у отца Александра, хорошо, теперь поцелуй ему руку, как я тебя учил.

Игорь, стараясь не ошибаться, складывает руки под благословение. Чувствуется, что это действие ему еще в новинку.

– А это Андрюша, мой старый друг.

Андрея не нужно ничему учить и ничего напоминать. Он, в отличие от мощного Игоря, привычно и быстро укладывает руки для благословения. Под свитером и легкой курточкой до пояса угадывается тренированное гибкое тело. Внешне он походит на пантеру грациозностью и легкостью движений. Потом уже отец Виктор сказал мне, что Андрей – Герой России, а Игорь ведет ответственный участок работы.

Я удивился:

– Ты потревожил таких людей, и они, оставив все дела, немедленно приехали к тебе?

– А что же здесь удивительного? Мы воевали вместе, ходили на задания и служить начинали в одном отряде. Мы и сейчас не забываем друг друга. Если нужна помощь, любой из нас может звонить хоть ночью, и друзья обязательно приедут.

Отец Виктор рассказал мне трогательную историю про двух бывших высокопоставленных спецназовцев, которые поссорились самым что ни на есть жесточайшим образом, занимаясь бизнесом уже в наше время. Не то что здороваться, слышать друг о друге не могли. Через какое-то время в семье одного из них случилась беда, и он вынужден был просить помощи у того, с кем уже долгое время не общался. А тот, кого попросили помочь, отбросил, словно ненужную пелену, все, что разделило бывших боевых друзей, и не раздумывая пришел на выручку.

Кстати, именно друзья собрали деньги и помогли моему товарищу приобрести новый автомобиль взамен попавшего в аварию. Но и сам он постоянно озабочен сбором средств на какой-нибудь немецкий протез для подорвавшегося на mine военнослужащего или на лечение тяжелобольного, никому не нужного ребенка. А то вдруг ночью по звонку может собраться и уехать за несколько сотен километров от дома. И тогда просит меня послужить за него.

Не так давно приезжает батюшка ко мне пообщаться. За столом в трапезной он занимает много места, но не довлеет над собеседником. Вроде внешне, как обычно, весел, подвижен, многословен. Только замечаю, что в глазах у него время от времени появляется беспокойство. Будучи человеком бесхитростным и прямым, он не умеет прикидываться и врать. И в этом очень напоминает ребенка – такой большой добрый ребенок.

– Что случилось, отец? Может, я что посоветую?

Батюшка шумно и продолжительно вздохнул, словно размышляя, стоит ли меня посвящать в его дела.

– Вчера вечером друг позвонил. Хороший мужик, но, как это говорят, человек со сложной судьбой. Он в конце восьмидесятых, перед самым выводом наших войск из Афгана, попал

в плен. Потом, через несколько лет, не помню уж каким образом, но ему удалось вернуться домой. Пришел, а его уже заочно отпели. Девчонка давно за другого вышла, да и домашние на него смотрели, как на привидение. Замкнулся парень в себе, стал людей избегать и, как это у нас водится, начал пить. Прошло время, история его уже стала забываться, а тут недавно орден его нашел, еще советский. Решили вручить прилюдно, поздравить человека. Вот подросшее поколение про него и узнало. Только вместо уважения начались насмешки, а потом и вовсе издеваться стали. Проходу не дают. Как увидят его, так и начинают подкалывать, мол, как там, в плену, тебя моджахеды, часом, не обрезали, может, ты мусульманином стал? И это еще самые невинные шутки. Про другое и говорить неудобно. Он, пьяный, жалкий, кричит им что-то в ответ. Выждали пацаны момент, окружили да давай с него штаны стягивать. Хохочут. Им забава, а другу моему обидно. Вот и звонит он мне, совета просит. Говорит: «Или я их перестреляю, или себя порешу, затравили, не могу больше».

– Так, может, нужно поговорить с теми ребятами, объяснить им, чтобы оставили человека в покое?

– Ты плохо представляешь ситуацию. Эти ребята, им лет по двадцать, а уже живут криминально. В их среде силу уважают, и слушать они будут только тех, кого будут бояться. Раньше мне проще было. Я на такие «разборки» поездил. На самом деле там все просто. Берешь кого-нибудь из друзей, чтобы тот сзади стоял. Приезжаешь, а тебя встречают человек восемь. Мне уже было достаточно один раз посмотреть, чтобы понять, кто передо мной. Чаще всего соберется шпана гурьбой, думают, числом напугают. Попробуй напугай, если у меня в кармане граната, но это так, на всякий случай. Подойдешь, вежливо спросишь: «С кем говорить будем?» Выйдет кто-нибудь такой важный, думает, что дружки его в обиду не дадут.

Задаю вопрос: «Ты, когда человеку по телефону угрожал, деньги с него требовал, каким пальчиком на трубке номер набирал?» «Вот этим», – показывает. «Ну, раз этим, вот пусть он и отвечает». И ломаешь ему палец на глазах у всех остальных. Потом стоишь спокойно и ждешь, что будет дальше. Как правило, один орет, а толпа в кусты – и бегом.

Но сейчас что делать? Сейчас-то я уже священник. Не могу я, как раньше, людям пальцы ломать. А только словом не пронять этих ребятешек, они уже в слово без силы не верят. Вот такая у меня появилась проблема, батюшка.

Месяца через два после того нашего разговора встречаемся с отцом Виктором в областном центре на ежегодном общепархиальном крестном ходу. Разговорились.

– Кстати, – спрашиваю, – чем закончилась та история про твоего приятеля-афганца?

Отец Виктор улыбнулся:

– Там все, слава Богу, уладилось. А ребята оказались на самом деле очень милыми и слушали меня внимательно. На днях они мне звонили, доложились, что в церковь заходить стали, батюшке тамошнему помогают.

Сказать честно, меня его слова просто потрясли. Как такое может быть? Как из хулиганов вдруг в какую-то пару месяцев люди превращаются в верующих прихожан? Здесь бьешься-бьешься годами, чтобы человека в Церковь привести, а тут... Чудеса, да и только.

– Батя, ты, наверное, волшебное слово знаешь. Поделись опытом. Как тебе это удалось?

Батюшка засмутился, но чувствовалось, что ему приятно вспомнить его недавнюю миссионерскую поездку.

– Приехал я к другу, и тот указал мне на автомастерскую. Она вожаку местной шпаны принадлежит, той самой, что третировала его. Вызвал я того на улицу, поговорить, мол, нужно. Он, как моего приятеля увидел, так все сразу и понял. Вечером уговорились встретиться. Ладно, подождал я до вечера. Заезжаю в мастерскую, там этот самый парень и с ним еще трое. Подошел к ним: «Может, поедем за городом пообщаемся?» Они ухмыляются, чудно им с попом

говорить, тем более я их как бы на разборку приглашаю. Поехали. Я на своей машине, они вчетвером – на своей. Отъехали от города километров пять, остановились в лесочке. Удобное место, тихое.

Смотрю на них, а они перемигиваются друг с другом и руки прячут кто за спиной, кто за пазухой. Понятно, скорее всего, кастеты, а может, и монтировки приготовили. И все это на одного смиренного попа. Нет, думаю, так дело не пойдет, и разговора у меня с вами не получится. Ну что же, придется брать инициативу в свои руки. Подошел к машине, открыл багажник, достал свою «Сайгу», она у меня именная, мне ее ребята мои, когда я на пенсию из отряда уходил, на память вместе с разрешением на ношение подарили. Внешне она вылитый автомат, хотя оружие это охотничье. Передернул затвор, смотрю, не ожидали они такого. Наглые ухмылки с лиц исчезли, а после того, как выстрелил в землю у них перед ногами, они и вовсе на колени попадали и игрушки свои побросали. В глазах страх. Ладно, думаю, напугать я вас напугал, дальше-то что? Что им сказать? Жалко мне их стало, ведь совсем еще мальчишки, только-только жизнь начинают, а уже заблудились.

И не знаю, откуда мне пришла эта мысль? Только стал я им про сына рассказывать, про моего Андрюшку. Я тебе-то самому про него рассказывал, нет? Ведь он же нам с матушкой Богом данный. Мы же после дочек, что в самом начале нашей семейной жизни родились, все мальчика хотели. А закрыл Бог чрево у моей половинки, и никак. И по врачам ходили, операцию жене делали, а все не получается. А когда я в Церковь пришел, священником стал, помню, прошу духовника своего: «Помолись, батюшка, мы уже с супругой в возраст входим, а мальчика все нет». А он мне: «Ты вот что, попроси святейшего Алексия помолиться о вас с матушкой. Есть у него такой дар, насчет ребятешек, это я точно знаю». – «Ничего себе, – думаю, – как же я простой священник буду просить самого патриарха о моем семейном деле молиться? Мне же к нему еще пробиться нужно». И вот подгадал момент. Привозят в Москву мощи апостола Андрея Первозванного. Узнаю, где святейший будет молебен служить, беру матушку и едем. Смелость, как ты знаешь, города берет.

Знакомый батюшка провел меня в алтарь. Дождался конца службы. А когда все священство подходило к предстоятелю под благословение, подошел и я. Набрался смелости и обратился к нему со своей просьбой. Патриарх выслушал меня и спрашивает: «А где матушка? Позови ее». Я чуть ли не бегом побежал. Следом из алтаря вышел патриарх. Он по-простому, с такой любовью поговорил с нами, потом возложил нам на головы руки и попросил у Неба для нас мальчика. Хочешь – верь, хочешь – нет, но через месяц матушка понесла. И я уже тогда знал, что это будет мальчик. Назвали в честь святого апостола Андрея.

Эту историю я и рассказал им, о своей жизни рассказал, о мужской дружбе, о войне. Ведь сейчас у меня наступило время страданий, стали болеть раны, переломы, все, что в молодости, казалось, прошло, не оставив следа. Порой так тяжело, жить не хочется, а мой Андрюшка самим фактом своего бытия словно требует: «Держись, отец, ты мне еще очень нужен».

Поначалу в разговоре с молодежью батюшка, словно дирижер палочкой, размахивал ружьем перед носами своих собеседников, потом за ненадобностью бросил его в багажник.

– Хорошо мы тогда поговорили, долго сидели. Услышали они меня.

Потом уже, как домой ехал, представил. Подогнать так вот вечерком к тебе в поселок самоходную гаубицу, хорошая это вещь, да как дать из нее разок холостым. Чтобы повыскакивал народ в страхе из своих домов, оторвался бы от телевизора, пустой болтовни, водки. А мы их уже ждем и говорим: «Люди, очнитесь. Жизнь так коротка, нельзя ее транжирить по пустякам. Спешите жить, спешите творить добро». Может, хоть тогда услышат? Как тебе мое, новое миссионерское ноу-хау? Дарю.

Недели через две пригласили нас с ним в соседний городок на концерт классической музыки. Давали его верующие музыканты из Москвы. Собралось множество слушателей. Мы

с отцом Виктором были среди почетных гостей. Поначалу, пока играли известных композиторов, слушать было интересно, но потом молодые музыканты стали представлять свои собственные сочинения. Смотрю, мой друг начинает потихоньку клевать носом. Я, опасаясь, что среди музыкальных тем слушатели услышат пробившийся молодецкий храп, периодически толкал его в бок.

Помню, знакомый батюшка из соседней с нами епархии рассказывал про одного священника, который страдал избыточным весом. Очень хороший, духовный был батюшка, но больной. Так он засыпал даже на поклонах во время Великого поста. Стоит на коленях, и такой храп. В самом начале девяностых он в составе делегации от их епархии по приглашению англикан присутствовал где-то там, в Лондоне, на службе в их главном храме, ну и, понятное дело, заснул. Представьте, какое там эхо. После концерта говорю отцу Виктору:

– Все-таки, батя, какие мы с тобой серые люди, – намекая ему на тот факт, что ничего не смыслим в классической музыке.

На что мой товарищ ответил:

– Нет, отче. Мы с тобой не серые. – И, выдержав паузу, добавил: – Мы с тобой добрые.

Обескураженный его логикой, я только и нашелся что спросить:

– Это с чего ты взял, что мы с тобой добрые?

– Потому, что мы священники. Мы по положению с тобой люди добрые. А разве это не так? – И, подмигнув мне, снова повторил: – Положение обязывает.

Синдром

В середине девяностых к нам в бригаду на железную дорогу пришел молодой парень, звали его Дима. Был он сиротой, воспитывался в детдоме, но чувствовалась в нем природная порядочность и уважительное отношение к старшим. Работал ответственно, наша железнодорожная премудрость давалась ему легко. И через год начальство предложило ему пойти учиться на заочку в наш колледж. Уже работая на станции, Дима женился, и в положенное время у него родилась замечательная малышка.

Казалось, что теперь в его жизни только и будет продолжаться такая вот светлая полоса. Скажу честно, нам было жаль его сиротства, и мы всей бригадой, как могли, опекали парня и радовались его успехам.

Прошло года три, и вдруг нашего Диму словно подменили. Нет, он все продолжал быть таким же обходительным и добрым, но только начал пить. На станции в то время народ уже не пьянствовал. А Дима как с цепи сорвался. Перед работой нас регулярно проверяли. На первый раз, если кто и попадался, медсестра могла глаза закрыть, мало ли, с кем не бывает, но когда это становится системой, то уже никто на работе тебя держать не будет. Мы и на поруки Диму брали, перед начальством за него ходатайствовали. И никак не могли понять, что с парнем произошло. Пытались разговаривать с ним, и упрасивали, и грозили, и к совести зывали. Ничего у нас не получилось.

Он поначалу нам ничего не рассказывал, а потом выяснилось, что наш Дима в первую Чеченскую кампанию участвовал в штурме Грозного и воевал там еще целых четыре месяца. Сам он был во взводе минером, может, поэтому и жив остался. За это время состав их взвода обновлялся трижды, а Диме повезло, ни царапины. Вышел его срок службы, вернулся парень домой и постарался полностью выбросить из памяти войну, но через три года она его все равно настигла.

– Не могу, – говорит, – глаза закрою, и понеслось. Взрывы, крики, плач детей, куски человеческих тел и кровь, всюду кровь. Вот только водка и помогает забыться.

Короче, уволили нашего Диму, а психиатр поставил диагноз – «чеченский синдром».

Сколько на нашей памяти было таких синдромов – и «вьетнамский», и «афганский», а вот теперь еще и «чеченский». Очень часто приходится слышать, что вот, мол, возвращаются солдаты с войны. Вроде и жить по-людски хотят, а ничего не получается. И, как правило, начинают пить. Мы их не понимаем, думаем, что пьют они из баловства, а те, оказывается, от страха бегут, война начинает «догонять». И не только во снах, но и наяву.

Мой знакомый священник, сам из «краповых беретов», в свое время многие горячие точки прошел. Спрашиваю его:

– Батя, почему так? Почему наши отцы, отвоевав по несколько лет, вернулись к мирной жизни, почему они не спились, почему не было массового «германского» синдрома? Почему сегодняшние парни так легко сгорают после войны?

– Я тоже часто об этом думаю, – ответил он, – у наших отцов еще дух был. И воспитаны они были по-другому, а сегодня ну что молодежь видит, только эту злобу по телевизору. Раньше Родину учили любить, а сейчас все «бабки» зарабатывают. Раньше за Отечество воевали, а теперь? Что война, что компьютерная игра. Жестокости стало много. Русский солдат был христианином, молился, а нынешний? Иногда встречаюсь со своими боевыми товарищами, так порой слышу: «Если бы ты раньше не был нашим, то мы с тобой, попом, и за стол бы никогда не сели». Есть такая штука у каждого из нас в душе, совесть называется. На войне о ней, кажется, можно и забыть, но потом, через время, она начинает заявлять о себе даже у самых, казалось

бы, конченных отморожков. Нельзя даже на войне, когда вроде бы все дозволено, переходить границу. Нельзя убивать детей, женщин, стариков, «догоняет» все это потом.

Я вспомнил одного своего товарища, мы работали вместе. Однажды он в разговоре о достоинствах автомата Калашникова рассказал мне, как они с другом пристреливали свои автоматы по головам афганских женщин, что в это время шли за водой. Причем рассказал это так, между прочим, именно восхищаясь качествами самого автомата:

– Короткими очередями за пятьсот метров голову напрочь отрывает!

Я его потом с женой и сыном видел, хорошая семья. Идут не спеша, гуляют, он жену за плечи обнимает, впереди дитя бежит. Может, у тех, на чьих головах автоматы проверяли, тоже дети были? Не знаю, как там у него дальше по жизни сложилось. Хотя я, наверное, слишком впечатлительный.

Как-то владыка, а он сам из троицких монахов, рассказал нам о том, как до сих пор в лавре рассказывают о том самом известном приезде Дмитрия, будущего Донского, к преподобному Сергию. Ведь великий князь взял монастырь чуть ли не в осаду, требуя от святого, во-первых, благословить его на битву с Мамаем, а во-вторых, откомандировать в мир схимников Александра и Андрея, бывших Пересвета и Ослябя. Дело в том, что эти монахи в миру были боярами и опытными воинами. И их помощь понадобилась князю в такой ответственный момент именно в боевом строю. По всей видимости, Пересвет и Ослябя, овдовев и вырастив детей, не стали искать утех с девицами, хотя, наверное, могли себе это позволить, а ушли в монастырь. Благочестие было в народе, вспомнить хотя бы родителей преподобного Сергия или преподобного Александра Свирского. Под старость было в обычае уходить в монастырь. Молился народ, каялся. Готовились к встрече с Богом. Кто тогда слышал о каких-то там «синдромах».

Кстати, у святителя Василия Великого есть рекомендация воинам-христианам после войны три года не подходить к причастию. И это все при том, что убивать врагов считалось делом богоугодным. Человек должен был очиститься от ненависти, страха и самое главное – от греха убийства человека. Ничто, как пролитая нами кровь и ненависть, не привлекает лукавого.

В наше время так не принято. Сейчас с воинами все больше психологи работают. А что может сделать психолог там, где стоит вопрос именно о душе, а не о коже. Кому она, эта душа, в конце концов достанется? Помню, дочь приходит из университета и объявляет:

– Наш преподаватель психологии заявила, что души у человека нет. Что тогда преподает этот психолог, если души нет?

Мне отец Виктор рассказал такую историю. В одно из подразделений частей специального назначения прислали на должность психолога молодую женщину двадцати восьми лет. Женщин в войсках мало, а в таких и подавно. Разумеется, мужики стали проявлять к ней повышенное внимание, кто цветочек подарит, кто шоколадку занесет. Но вся эта идиллия продолжалась до тех пор, пока ее ухажеры не стали приходить к ней со своими проблемами именно как к специалисту-психологу. Они рассказывали ей о войне, о ее ужасах и о своем непосредственном участии в ней. И в «мягких и пушистых» молодых парнях она увидела то, что в романах называют «оскалом смерти». Женщина стала бояться своих клиентов. Что-то с ней случилось, и она почувствовала тягу к открытым окнам на высоких этажах. И еще, когда она шла по тротуару вдоль дороги, стала замечать за собой, что нередко ее вдруг охватывало непреодолимое желание броситься под колеса движущегося ей навстречу автомобиля.

– Тогда ей посоветовали обратиться к священнику, и она пришла ко мне. Вообще-то такое состояние души в церкви называется «беснованием» и лечится оно через участие в церковных таинствах. Ты видишь, – продолжил мой друг, – человек сунулся в область духовного противостояния и сам чуть было не погиб. Разве с ними психолог должен работать, тем более девочка, этим всегда занимался священник.

Великим постом у нас, как обычно, проводилось соборование. Отец Виктор приехал помочь мне и привез с собой нескольких своих друзей. Один из них мне как-то сразу приглянулся. Молодой, коротко стриженный парень ростом под два метра. Он с неподдельным интересом рассматривал меня своими голубыми доверчивыми глазами. И мне немедленно захотелось с ним познакомиться.

– Вова, – смущенно представился гигант.

Вовин командир в первую Чеченскую кампанию совсем молодым лейтенантом вместе с несколькими своими солдатами попал в плен к бандитам. Те на глазах лейтенанта, смеясь и куражась, поотрезали головы несчастным солдатам, а ему сказали:

– А ты иди, лейтенант, и сходи с ума.

И он сошел, и целых пять лет не выходил из Чечни, и из своих рейдов по тылам боевиков его отряд никогда не приводил пленных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.